

ЕЛЕНА СЧАСТНАЯ

18+

ВОИН ЗАБВЕНИЯ

ГРАНИТНЫЙ ЧЕРТОГ

Фэнтези славянского мира. Русский взгляд

Елена Счастливая

Воин забвения. Гранитный чертог

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Счастливая Е. С.

Воин забвения. Гранитный чертог / Е. С. Счастливая —
«Издательство АСТ», 2012 — (Фэнтези славянского мира. Русский
взгляд)

ISBN 978-5-17-152867-6

В детстве Млада пережила страшную трагедию – набег жестоких вельдов, которые убили всю ее семью и сожгли деревню. Месть стала целью жизни девочки, и со временем Млада превратилась в искусную наемную убийцу, без жалости и страха. Она отправляется в стольный Кирият, чтобы вступить в дружину князя Драгомира и настичь тех, кто погубил ее род. Но древнее колдовство, связанное с тайной ее прошлого, грозит разрушить ее планы. Сможет ли Млада исполнить свой замысел – и найти в Кириате нечто большее, чем возмездие?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152867-6

© Счастливая Е. С., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	49
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елена Счастливая

Воин забвения. Гранитный чертог

© Е. Счастливая, 2012

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Пойду я в чисто поле, есть в поле белый кречет. Нелегко его найти, да легко увидеть. Перья его что солнце сияют, путь мой озаряют. Попрошу я белого кречета: слетал бы он в чисто поле, в синее море, в крутые горы, в темные леса, в зыбучие болота. И попросил бы он окаянную силу, чтобы дала она помощи, открыла завесу передо мной. Слепа я, не вижу, да хочу увидеть. Узнать, что будет, что ждет меня. Жизнь ли, смерть ли, любовь иль ненависть, путь трудный или спокойствие...

Сел бы белый кречет на белую грудь да послал мне сон всевидящий. Как мать быстра Нейра бежит, как пески с песками споласкиваются, как кусты с кустами свиваются, травы с травами сростаются, так и я нашла бы во сне успокоение иль предостережение.

И пусть сон мой будет таким, каким есть, ни хуже, ни лучше...

Пролог

Капище горело жарко.

Дубовые идола еще не занялись пламенем, но сухую траву между ними оно уже почти совсем сожгло. А истуканов огонь только оглаживал понизу яркими всполохами, будто не решался взяться в полную силу. Лица богов от грядущей опасности ничуть не менялись. Они так же неподвижно смотрели в пустоту или бесконечность, прошлое или будущее. Так казалось со стороны. А подойди ближе – глянут точно в самую душу.

И, зная, им не понравилась бы та чернота, которую они увидели бы в душе Корибута. Впрочем, ему уже давно стало все равно, что могли бы подумать о нем боги, если бы вдруг их хоть на мгновение обеспокоили земные дела и заботы людей. Но им все нипочем.

Корибут спрыгнул с коня наземь и бросил поводья подоспевшему ватажнику. Остальные всадники нагоняли его со спины. Пешие и вовсе поднимутся к обрыву нескоро. А пока лишь свет их факелов сквозь вечерний полумрак метался вниз. Корибут, придерживая на поясе меч, прошел по тропе между охваченных дрожащими отсветами пожара сосен. Яростный ветер вздыбил плащ за спиной и бросил в лицо горячую волну от капища.

– Куда ты один, владыка? – запоздало крикнули вслед. – А вдруг стрела...

Не посмеют. Страх не позволит вскинуть лук и натянуть тетиву. Они считают его чудовищем – кошмарным и несокрушимым, как те, которых он призывал. И боятся наказания. Почти все.

Древнеры, те, кто остался в живых, толпились у подножий своих деревянных покровителей. Ищали защиты, но, верно, знали, что не найдут ее. Лишь дойдя до капища, Корибут понял, что здесь вовсе не все сбежавшие из деревни. По всему, женщин и детей с частью воинов древнеры отправили в другую сторону. Тайными тропами, которые знал только их род. А его с приспешниками завели сюда. Только эти последние уловки уже никого не спасут.

Впереди, будто пытаясь заслонить собой потрепанных, но все еще могучих воинов, стоял волхв. Его посеревшая от пыли и копоти рубаха до пят под порывами ветра облепляла тщедушное старческое тело. Седая борода с застрявшими в ней иголками и древесной трухой мела по груди. Но узловатые пальцы все так же крепко сжимали сучковатый посох с хитро изогнутым наверху.

Корибут сделал еще шаг и остановился. Выло пламя, стонало горящее дерево занявшихся идолов. Древнеры, продолжая держать бесполезное оружие, боязливо озирались и вздрагивали. Их слишком мало.

Волхв выпростал перед собой руку.

– Гнев богов не минует тебя, Корибут! – крикнул он на удивление молодым голосом. Мужики за его спиной приободрились. – Одумайся, если еще можешь!

– Гневом богов можешь пугать трусливых псов, что еще силятся тебя защитить, старик. А мне он безразличен. Им не дотянуться до меня. Уже не дотянуться.

Волхв глубже воткнул посох в землю, словно искал опоры. Обеспокоенно он посмотрел поверх плеча Корибута. Значит, из леса уже показались ватажники. А через миг донесся и глухой стук копыт.

– Нет, Корибут. Из той тьмы, в которую ты добровольно зашел, тебе не разглядеть всего, что творится вокруг. Забвение застилает тебе взор. Ты мнишь себя равным богам, но только возишься в пыли у их подошв. И будешь раздавлен.

– Так или нет, тебе уже не суждено увидеть. Ни тебе, ни твоему племени. Я достану каждого из выживших. И они пожалеют, что не подошли раньше, еще до того, как задумали предать меня.

Корибут махнул рукой вперед, давая войску приказ наступать. Скорей бы покончить с этим.

Притихшие было позади воины снова хлынули к капищу, которое уже совсем поглотило пламя. От жара стоять рядом становилось решительно невозможно. Древнеры оцетинились оружием, вдруг позабыв про страх. Предсмертное отчаяние может вытеснить из души и его. Тогда мужи бросаются в бой с особой яростью, даже зная, что победить не смогут.

Волхв со спокойной улыбкой гордого отца окинул их взглядом и снова повернулся к Корибуту.

– Ты будешь последним мужем из своего рода, – размеренно и зычно проговорил он. – После тебя не родится мальчиков ни у детей твоих, ни у их детей и дальше. Твоя кровь смешается и растворится в другой. И память о тебе угаснет, как забывается заживший нарыв. Ветер развеет в пыль твой дом, земля поглотит твои кости. Камнем обратится твоя душа. Но не будет тебе покоя. И бессилён ты будешь родиться вновь.

Словно замедлили ход всадники, что еще миг назад проносились мимо в неистовой скачке. Стихли крики и рев разгоряченных воинов. Замерло пламя, бушующее за спиной волхва, и глянули последний раз идола поверх него, чтобы пропасть насовсем, обратиться тлеющими головнями и золой.

Старик взмахнул в воздухе посохом, вычерчивая мудреный знак, который на мгновение вспыхнул светящейся полосой, как подброшенная вверх лучина, и погас.

Ринулись в бой древнеры. Первых тут же сбили с ног стрелы, другие и не взглянули на погибших родичей. Они заберут с собой многих, до кого дотянутся мечами и топорами. Но и сами все полягут здесь. На глазах своих богов, которые не сумели их уберечь.

Иссеченное морщинами лицо волхва еще мгновение мелькало среди остальных, искаженных яростью и безумием последней схватки. А потом пропало: то ли убила старика случайная стрела, то ли он прыгнул в пламя. Но когда Корибут, вынужденный на ходу меч, прорубился к тому месту, где тот стоял, то никого не нашел.

Показалось только, что хрипло каркнул над головой ворон.

Прозвучал вдалеке, за опушкой, рог. Знакомый то был звук – с ним выходил на охоту младший брат Корибута со своими ближниками. Он спешил на подмогу погибающим древнерам, но, как ни торопись – не успеет. Ватажники смешались, дрогнули, выискивая глазами предводителя – какие будут приказы? Он ничего не сказал. Лишь, сняв перчатку, приложил руку к земле. Пальцы провалились в податливую, словно теплая смола, ткань Забвения. Воздух задрожал, но не от дыхания огня, что веселился на остатках капища. Расползся в стороны мрак наступающей ночи, из прорехи хлынула наружу еще более страшная тьма, а вслед за ней – рык тварей, что там прятались.

– Хотя кто-то отступит – окажется там, – провозгласил Корибут изменившимся голосом, указывая на вздрагивающий проход между мирами.

И какой бы жуткий гомон ни стоял кругом, его слышали.

Ночь будет длинной.

Глава 1

С самого рассвета на задворках «Холодной кружки» творилась полная неразбериха. Толпились обозы, готовые выезжать, и те, что только прибыли на постой. Возницы переругивались, то и дело замахиваясь друг на друга хлыстами, а увещевания Челака, хозяина постоянного двора, их вразумить никак не могли. До ушей-то долетали вряд ли. Мужики, пыльные и потные с дороги – такая жара стоит, ведь бабье лето разгулялось в полную силу – злились все больше. Купцы оставили свой товар на их попечение, а сами, небось, уже вовсю прохлаждались в харчевне. Что потеряешь или испортишь – заплатишь сполна.

Челак метался между телегами ну точь-в-точь хлопотливая большуха между внуками – и каждого боялся обидеть. Большой Торг в столице княжества Крияте, лежащей много севернее – дело нешуточное. Даже в отдаленных деревнях, таких как Пастерна, чувствовалось его приближение. Навар с постояльцев рос – значит, зима не будет голодной. Но всех надобно уважить. Проезжих обозов становилось непомерно много, как и хлопот, а вот рук у хозяев харчевен и постоянных дворов оставалось, как и прежде, по две.

Потому Млада перестала торопить Челака: сначала она неспешно ходила за ним, время от времени о себе напоминая, а потом и вовсе остановилась под навесом, в тени. Хоть и скинула плащ, а в кожаном нагруднике поверх рубахи все одно спечешься. Отправляться дальше она намеревалась только завтра. А значит, можно и подождать.

Кое-как разместив повозки с товарами на забитых донельях задворках, Челак приказал подручному писарю сделать последние пометки и огляделся. Теперь вокруг был хоть какой-то порядок. Возницы, охрипнув от ругани, разошлись, лошадей и волов уже начали обиходовать расторопные мальчишки – за пару медяков и напоят, и корма натаскают. Хозяин удовлетворенно вздохнул и собрался было вернуться в «Кружку». Но заметил Младу и снова помрачнел.

– Так купишь мою лошадь, Челак? Или что? – она отошла от опоры навеса, к которой до того прислонялась плечом.

– Я тут подумал, зеленоглазая... А так ли нужна мне твоя лошадь? – отмахнулся тот. – К тому ж с треснувшим копытом.

– Да разве это беда? А в том, что ваш кузнец-тихоня сызнова подковать ее сейчас не может, не моя вина.

– А ты видишь, что у нас творится? – Челак махнул рукой себе за спину. – Да леший ногу сломит! Еще со дня на день мытник княжеский приедет, с кметями. Запропастился где-то. Тож морока. Староста уже всю плешь проел.

Будто в подтверждение своих слов он провел ладонью по блестящей на солнце лысине.

– Моя какая забота? – Млада сделала шаг к нему. – Ты мне что сказал? Что лошадь возьмешь. И о цене мы сговорились. Хорошая лошадь-то.

– Кто ж спорит... – Челак опасливо на нее покосился. Взглянул и на меч у пояса, и на скрамасакс в ножнах с другой стороны. – Но ты подожди. Вот утрясется все...

– Да не могу я ждать. Мне до Кирията немного осталось, а я тут с тобой лясы точу весь день.

Надо же было случиться тому, что у ее кобылы треснуло копыто как раз недалеко от этой проклятушей деревни, где в преддверии Торга и другой не раздобудешь, и подковы новой не дождешься. Да и все одно на той лошади до города не доехать, ей теперь отдых нужен. Хозяин предыдущего постоянного двора о том, чтобы кобылу выкупить, и говорить не захотел. А Челак вроде согласился – да только все тянул с деньгами, ссылаясь на бесконечные заботы.

Скорей бы уж добраться до Кирията – благо и пешком дойти теперь можно. Там, коли все удастся, как задумано, будет и лошадь, и кров, и спокойный сон по ночам. А не та тяжелая дремота, когда не столько отдыхаешь, сколько пытаешься хоть краем уха уловить подозрительные шорохи; и в каждом треске ветки чудится опасность, заставляя вскакивать и хвататься за штанину, пустую без привычного чехла с кинжалами.

– Вечером приходи – заплачу, – Челак вымученно улыбнулся. – А теперь иди, иди, зеленглазая. Поешь чего, что ли.

– Ну, смотри, Челак. Не обмани.

Откинув с плеча за спину тяжелую косу, Млада одарила хозяина последним угрожающим взглядом и вернулась в шумную харчевню. Здесь уже разместились только приехавшие купцы вместе со своими ватажниками. Еще чуть-чуть – и будет не протолкнуться. В плотном воздухе лишь иногда прокатывались прохладные волны, когда кто-то открывал входную дверь.

Млада не собиралась тут задерживаться. Она хотела было подняться в свою комнатенку, но краем глаза увидела в зале знакомое лицо и невольно остановилась у стойки, за которой хлопотал старший сын Челака. Рожа та ничего хорошего не сулила.

За столом у окна, будто бы ничуть не таясь, сидел герзак, человек, следящий за тем, чтобы никто из Гильдии арияш¹ не нарушал ее правил. И вряд ли он оказался тут случайно. Млада покинула южный Ариван с луну назад, никому о том не сообщив. Она не собиралась скрываться или идти против Кодекса, но, зная, урхас² решил все доподлинно проверить. Одноглазый посыльный, наклонившись над своей тарелкой, в которой дымилась какая-то снедь, неподвижно глядел на Младу и ждал. Он знал, что нужный человек его увидит. Но вот уж в этой стороне его хотелось видеть меньше всего.

Она неспешно подошла и села напротив герзак, махнула подавальщице. Та, кивнув, мигом принесла и поставила перед ней запотевшую кружку с квасом. Название двора не обманывало: она и правда была холодной, аж пальцы сводило. Млада сняла перчатку и, проведя ладонью по ледяному боку, подняла взгляд.

– Ты, Равдан, зря тратишь время, чтобы следить за мной.

Белобрысый герзак усмехнулся и отправил в рот ложку с тушеной капустой, смахнул с бороды рассол.

– А ты, красавица, не сбегай, – прожевав, сказал он.

– Я не сбегала.

– Да ну? Тогда твоя прогулка на север затянулась.

– У меня в Кирияте дела, – Млада отпила кваса. По горлу приятно разлилась прохлада. – А вот у вас пока ко мне дел нет.

– А коли будут? – Равдан прищурился.

– Разве я против? Я покамест останусь в Кирияте – там меня и найти сможете, если понадобится. Вот только по пятам за мной ходить не надо.

¹ Арияш – (арив.) наемный убийца, член Гильдии, основанной в Ариване много сотен лет назад. – Здесь и далее прим. автора.

² Урхас – (арив.) управляющий Гильдии арияш.

– Что поделаться... Ты у урхаса на особом счету. Если не секрет, зачем тебе в Кирият? Гляжу, приделалась, точно воин. Только, слышал я, в здешних местах воительниц не водятся.

Млада поразмыслила. И отвечать ей не хотелось, и особой тайны в ее намерениях не было. В кой-то веки она решила пойти по честному пути – судить ее не за что.

– В дружину княжескую хочу попасть.

Одноглазый удивленно вскинул брови и коротко хохотнул.

– Тебе мало денег, которые ты получаешь от Гильдии? Аль мужиков вокруг мало? Зачем в дружину? Кабала да и только.

– Должок отдать надо. Давний.

Герзак перестал нахально улыбаться и помолчал, постукивая ложкой по столу.

– Не мое это дело, Млада, и больше допытываться я не стану. Но пусть протухнут мои кишки, если я хоть раз такое встречал. Чтобы арияш рвался на княжескую службу... – Он снова громко хмыкнул. – Ты, главное, без глупостей. Кто знает, что у вас, баб, в головах творится. Суший же мрак!

Герзак ткнул Младу пальцем в лоб, пытливо всматриваясь в ее лицо единственным глазом. Несмотря на шуточный тон, она прекрасно расслышала в его словах угрозу. Но напоминать о возможной расплате большой надобности не было: она и так знала все постулаты Кодекса – хоть ночью разбуди. Гильдия не просуществовала бы так долго, если бы не строгие правила, за нарушение которых очень часто грозила смерть.

– Не беспокойся.

Млада встала, бросила на стол несколько медяков и ушла. Сидеть рядом с герзаком, который чуть что без раздумий решит с ней расправиться, радость та еще.

* * *

Кирият еще издали встретил Младу гомоном сотен голосов, который вырывался из открытых ворот городской стены. Сюда по Южному тракту и каменному мосту, перекинутому через размеренно текущую Нейру, на Торг без конца съезжались повозки и целые обозы. Да и затеряться среди пеших путников сейчас было проще пареной репы. Надвинув сильнее капюшон плаща, что нынче защищал от солнца, а не от холода, Млада вошла в посад. Удостоилась только беглого взгляда стражника из тех, что проверяли каждого прибывшего торговца и записывали привезенные ими товары на воощенные дощечки. А до нее им интереса нет: в тощем заплочном мешке ничего не спрячешь.

В иссушенное ветром и солнцем лицо дохнуло воздухом, тягучим и пряным от жары, смеси запахов конского пота и свежих опилок, пыли и горячего хлеба. Млада огляделась в поисках пекарни, но среди почти одинаковых невысоких, большей частью деревянных домов ее не нашла. Нутро жалостливо отозвалось голодом. Стоило бы найти место, чтобы остановиться и поесть, но в сутолоке, что началась сразу за воротами, сложно было пробраться куда нужно.

Жизнь в посаде кипела. По улицам туда-сюда сновали люди: одни громко переговаривались, другие спешили по своим делам или на Торг. Среди горожан мелькали хитроглазые мальчишки, наверняка не упускающие случая стащить у зазевавшегося путника кошелек с монетами – стоит держать ухо востро. Возница, управляющий телегой, откуда почти валились пузатые тюки, гикнул, заставив отпрыгнуть в сторону. Хмурые воли протопали мимо, таща за собой рискующую опрокинуться ношу. Млада постояла немного у обочины и, проводив недобрым взглядом наглого возницу, двинулась вслед за гомонящим потоком людей.

Ее толкнули в плечо один раз, потом другой – сильнее. Уворачиваясь и петляя, незаметно для себя Млада оказалась в самой гуще Торга. Вот уж куда совсем не собиралась. Поняла она это, только когда, отряхивая плащ от муки, вышла в торговые ряды. Здесь оказалось гораздо просторнее: люди неспешно прогуливались, разглядывая пестрящие разнообразием прилавки.

Другие остервенело торговались, стараясь перекричать соседа. Духота падала тяжестью на голову.

Млада скользнула взглядом по лотку проходящего мимо булочника, хотела остановить его, но тут за спиной гаркнул мужской голос:

– Эй! Да ты што, холера! Обмануть меня решил? Да этому хомуту красная цена три гроша!

– Три гроша, знашь, куда себе засунь... – не остался в долгу торговец с загорелым лицом и лихо топорщащимися усами. – Не ндравится – отойди, не загораживай своим брюхом товар! На кой тебе хомут? На тебе самом пахать впору.

– Да супонь же тоща, как сопля! – не унимался покупатель, утирая с покрасневшего лба пот. – Войлока тож пожалел, сквалыга. И не стыдно же тебе людям головы морочить!

– Сгинь с глаз моих, злыдень...

Млада не дослушала разговор о недостатках хомута и отошла, потирая звенящее от хая красномордого покупателя ухо. Тем временем лоточник с выпечкой уже куда-то убежал.

Силясь найти хоть какой-то выход с Торга, Млада не пыталась протолкнуться к прилавкам и шла, придерживая кошель на поясе и разглядывая товары издали. Повеяло восточными пряностями, но тут же их аромат перекрыл резкий запах дегтя. Рябило в глазах от вышитых платков, развевающихся на легком ветру, витых гривен, от монист из самоцветов и чеканных бляшек. Гудела голова от выкриков торговки и визга детей, требующих сладостей.

Вдруг разношерстную толпу сменили мужчины, которые медленно и с толком прохаживались между прилавками с оружием и полезным в хозяйстве скарбом. Млада сбавила шаг и огляделась уже с большим любопытством. Торговцы здесь не голосили: знали, что за них все скажет их товар. Тут же, неподалеку, раздавался приглушенный постук молота из небольшой кузни и гнусавый голос кузнеца, обещающего быстро починить все: от коромысла до кольчуги.

Коль судить по обилию оружия на Торге, в Кириате и окрестностях только и делают, что воюют. Здесь были длинные охотничьи луки, резные, почти в человеческий рост и клееные, гнутые, из которых так удобно стрелять верхом. Дальше – колуны с увесистыми оголовьями, легкие секиры и чеканы³. Млада без интереса прошла мимо. На мгновение дольше задержалась у стоек с мечами, но среди них не нашлось хоть сколько-нибудь достойного внимания.

Кто-то сильно толкнул ее в спину.

– Поосторожнее... – буркнула она, поднимая голову.

– Держите его! Ворюга! – взвизгнула позади женщина. – Держи-и-и!

Растрепанные люди загомонили, заозирались. Что-то скользнуло по бедру. Млада тут же опустила руку, пошарила по штанине, не веря. Проклятье! Ножны со скрамасаксом пропали – остались только обрезки тренчиков. Этот великолепный нож она купила совсем недавно. Выложила – ни много ни мало – двадцать семь сребреников наглому кузнецу в Ариване. А до того еще торговалась – едва язык не отсох.

Млада бегло осмотрелась. Коренастый парнишка с песочного цвета вихрами мелькнул впереди. Ловко увернулся от очередного толчка в толпе, перепрыгнул через валяющийся у прилавка мешок. Откинул со лба волосы... Тонкие пальцы, чуткие; и сам юркий, как хорек. Он? Млада спешно двинулась за ним, стараясь раньше времени не привлекать внимание.

– Да вон же он! Держите! – снова взвился над головами звенящий нарастающим отчаянием голос.

Млада оглянулась. Вслед за ней неловко семенила темноволосая молодая женщина, время от времени указывая рукой перед собой. Но люди не спешили бросаться за воришкой.

³ Чекан – ударно-раздробляющее ручное холодное оружие с топоробразной боевой частью в виде клюва и плоского бойка на обухе, закрепленной проушиной на рукояти.

Сестра по несчастью, значит... Млада ускорила шаг. Лавируя между горожан и уворачиваясь от новых тычков, она догнала парня и попыталась схватить за рукав.

– А ну стой, паскуда!

Но тот, не глядя, резко вырвался. Треснула ткань его рубахи под пальцами. Парень побежал, расталкивая всех, кто попадался на пути. Взлетели и посыпались в пыль кренделя и пышки с опрокинутого лотка булочника. Вскрикнула полнотелая баба, завалилась на прилавок с медом. Бортник гнусно выругался. Кто-то захохотал. «Ах ты, прыщ!» – зло шепнула сама себе Млада и снова рванула за воров.

Парень, понятное дело, знал город гораздо лучше ее. Вырвавшись из плена Торга, он резво припустил сначала по широкой улице, а потом свернул в какой-то закоулок. И заплетаясь, как заяц, Млада не отставала, но и догнать не могла. А потому берегла силы, дышала ровно и легко. Люди шарахались от нее в стороны. От пыли свербело в горле. Ножны с мечом били по ноге, приходилось придерживать. Сползал с плеча дорожный мешок.

Вор часто нырял в переулки и подворотни, но скоро начал выдыхаться. Млада ждала, пока он ошибется и свернет в тупик, но не тут-то было. Вот его спина в намокшей от пота рубахе снова показалась впереди – и пропала за дверью постоянного двора. Млада следом шагнула в душный полумрак заведения.

Харчевня постоянного двора оказалась полна разным людом. Гомонящим, пьющим и смердящим каждый на свой манер. Все разнообразные запахи здесь смешивались в один, от которого перехватывало дыхание. Вонь онучей, дорожной пыли, осевшей на давно не мытом мужском теле, пережаренного мяса и кислого пива.

Млада сглотнула и, вытянув шею, в подрагивающей тьме постаралась углядеть воришку. Тот прятаться и убегать раздумал, словно уже никуда не спешил. Явно осмелев, он громко поздоровался с кем-то из гогочущих посетителей. А затем, даже не оборачиваясь, шмыгнул в соседний зал. Млада двинулась за ним, явственно чувствуя, как чуть пристают к липкому полу подошвы сапог.

Между столов сновали расторопные подавальщицы. Они мелькали незаметными тенями, стараясь убраться с глаз долой как можно быстрее. Ловко уворачивались от протягивающихся к ним загибающих мужских рук и крыли отборной руганью особо настойчивых. Впрочем, увильнуть от внимания удавалось не всем.

– Эй, красуля! Постой, – Млада едва успела выдернуть ладонь из смыкающихся пальцев. – А и пес с тобой, курва...

Она сделала вид, что не слышит.

Вход в каморку закрывала замызганная, в сомнительных потеках занавесь. Маленький зал встретил едва не сбившим с ног всплеском хохота. От спертого ядреного запаха на глазах выступили слезы. Четверо мужчин, на вид местные, громкими пьяными выкриками как раз приветствовали беглеца. Но стоило войти Младе, как стало тихо. Только лавка загремела по полу, отодвигаемая садящимся за стол воришкой.

– Вот те раз, – вытаращился на Младу один, кудрявый и косматый, отчего похожий на давно не стриженного барана. – Ты сегодня отличился, Шука. Глядь, и бабу нам привел. А то те, что в харчевне, уж больно задрипанные.

Парень, которого называли Шукой, вскинул голову и сжал губы. Молод совсем, едва ли четырнадцать зим справил. А уже кошело с поясов резать мастак – даже Млада с ее-то чутьем поздно спохватилась, не поймала за руку. А должна была! Таких, как он, за версту видно. Хотя за время службы Гильдии она научилась дружить с ворами. Те иногда могут рассказать много полезного.

Млада подошла ближе, чувствуя себя так, будто все пятеро одновременно ее облапили. Стало тошно.

– Верни то, что взял у меня – и я тут же уйду, – проговорила она, не сводя с беглеца взгляда.

– Уж не о девичьей невинности ли речь? – паскудно осклабился кудрявый. – Коли нет, так мы быстро это поправим.

– Да ты глянь на нее, – отирая с бороды пивную пену, усмехнулся другой, конопатый, с неровным шрамом на шее под ухом. – Такая сама мужиков за шкурку берет да и пользуется их, как хочет. У такой косу просто так на кулак не намотаешь, э!

– А што, с ней я готов. Пусть и за шкурку.

Кудрявый похабно смял пальцами штаны между ног. Мужики загоготали. Млада продолжала неподвижно давить взглядом Щуку. Неизвестно, что он читал в ее глазах, но как будто становился меньше и бледнее с каждым мгновением. Шуточки дружков его, похоже, вовсе не забавляли.

Мужик, сидящий ближе всего к Младе, широкой пятерней ухватил ее за бедро. Сжал от души и гаркнул довольно, с присвистом между недостающих зубов:

– Слышь, Щука. Ядреная девка-то!

Она шагнула шепелявому за спину. Одной рукой схватила за ворот рубахи и сильным толчком опрокинула лицом прямо в жирную миску. Подняла и приложила еще раз – грубее. Миска брякнула. Другой рукой Млада выхватила висящий на поясе мужика нож. Поддела острием его ноздрю. Окинула взглядом остальных, ошалело притихших. Только шепелявый гладко и без запинки изрыгал потоки мерзкой брани.

– Хошь, оприходуя прямо тут, а? – задушевно произнесла она, склоняясь к шепелявому. Тот смолк, слизнул с губ брызнувший из миски жир. – Рожей об колено?

Мужик дернулся и наобум махнул увесистым кулаком, но Млада увернулась, продолжая держать его. Да еще и втиснула лезвие глубже. Из разрезанной ноздри потекла кровь. Шепелявый зарычал и брыкнулся еще раз.

Кудрявый вынул из сапога нож. Ударил. Млада выпрямилась, отклонилась и снизу вверх пнула стол. Тот опрокинулся, мужики шарахнулись в стороны. Загремели миски, покатались кружки, расплескивая по полу пиво. Щука, прикрыв ладонью нос, завыл – кровь хлынула между его пальцев. Меченый оттолкнул навалившегося на него дружка и попытался схватить Младу. Она вполоборота ушла от громадных рук. Секанула ножом по его запястью. Несильно – для острстки. Огляделась. Лишь бы не оказаться зажатой в углу. Она выхватила из ножен меч и выставила перед собой. Кудрявый, спотыкаясь о поваленные лавки, ринулся к ней и уперся грудью в острие.

Млада покосилась на скулящего в углу Щуку и повторила:

– Пусть вернет, что взял.

Она могла бы добавить, что иначе никто из пятерых не выйдет из этой каморки живым. Могла бы показательно разворотить кудрявому грудь мечом. Рассечь самым краешком лезвия яремную вену меченому, который приближался справа. Точно по его же шраму, но чуть дальше. Развернуться, поднырнуть под руку третьему и ударить его со спины. Обломком ножки стола разбить череп встающему с пола шепелявому и спокойно заняться Щукой. Но она не хотела сейчас крови и смертей. Не за тем в Кирият пришла, чтобы в первый же день перебить кучку местных.

В каморку ввалился одутловатый мужик в повязанном под круглым брюхом переднике. За его спиной виднелись еще два крепких молодца. Видно, то пришел хозяин постоянного двора, встревоженный шумом и грохотом мебели.

– Вы что тут устроили? – хрипло крикнул он и прокашлялся. – Хотите драться – проваливайте отсюда!

Млада опустила меч и бросила под ноги шепелявому его нож. Дружки Щуки понурились и отступили. Видно, нарочно с хозяином цапаться не хотели. Не зря сидят в отдельном зале –

пьют и едят, небось, задарма. Хозяин, окончательно взяв себя в руки, еще раз мрачно обвел взглядом всех и остановился на Младе. Она кивнула на Щуку, который все так же сидел у стены и держался за сломанный нос. Кровь стекала ему на грудь.

– Он украл у меня нож. Пусть вернет.

Казалось, от этих слов на языке скоро будет мозоль. Хозяин двора неспешно оглядел Младу, удивленно приподнял брови и жестом отослал двух выжидательно стоящих позади мужчин. А потом повернулся к воришке.

– Давай, сопляк. Верни девице ее нож, коли вправду украл! Вот ты где у меня уже сидишь, поганец, – он постучал ребром ладони под двойным подбородком.

Щука громко шмыгнул, отер губы и встал, обиженно зыря на остальных, за что тут же получил подзатыльник от меченого.

Млада выхватила у него из рук свой скрамасакс, едва удерживаясь от того, чтобы не дать мальчишке хорошего тычка в зубы. Щука уже развернулся было уходить, но она удержала его за плечо.

– И деньги той девушки верни, которую передо мной обокрал. Ну?

Парень, закатив глаза, цыкнул, сунул руку за пазуху и вынул оттуда кошель. Хороший, из плотной кожи, расшитый цветным узором да дорогими стеклянными бусинами по краю и обрезанному ремешку, которым крепился к поясу. Непростому человеку этот кошель принадлежит. Ох, непростому. Млада подбросила туго набитый монетами мешочек в ладони.

– Еще раз мне попадешься, Щука, – шкуру спущу.

Она последний раз оглядела хмурых мужиков и вышла из каморки. Брюхастый хозяин двора только и успел посторониться.

– Не повезло тебе, Щука... – было последним, что Млада услышала за спиной.

Она вышла наружу и почувствовала, как пыльный городской воздух прочищает легкие от вони харчевни. Возвращаться на Торг не очень-то хотелось – лучше было бы сразу повернуть к детинцу. Но нужно было попробовать найти хозяйку кошель. Негоже оставлять все так. Млада, хоть и видела женщину мельком, запомнила хорошо. Опять же привычка... дери ее.

Но возвращение на рынок ничего не дало. Незнакомку никто не разглядел. Да и как – в такой-то толчее? Млада продолжала сжимать расшитый кошель в ладони и кружить по Торгу, пока не поняла: еще немного – и подохнет прямо тут, под каким-нибудь прилавком, от голода или жажды. В нутре урчало и как будто ворочался холодный уж. Видно, не судьба той девице снова увидеть свои деньги. Но хотя бы тем прохвостам не достались.

Млада выскользнула с Торга, как жиром намазанная, и двинулась вверх по широкой улице. День за случайными хлопотами уже повернул к вечеру, а добраться до детинца так пока и не вышло. На всякий случай Млада остановила проходящую мимо бабу в расшитой кике и спросила, правильно ли идет. От женщины пахло травами и теплом дома. Почему-то от этого она располагала к себе.

Та пристально осмотрела Младу и вдруг остановила взгляд на кошелье в ее руке.

– Чей это кошель у тебя, деточка?

– Не мой. Отобрала у вора. Хотела хозяйку найти...

– Кажись, я знаю ее. Захаживает она ко мне, бывает. За травками, значит. Кошель-то приметный. Да и сама она тож.

Правду говорят, город – большая деревня. Все одно местные друг друга знают.

– Скажешь, где найти?

– А то ж! Аккурат там, куда ты идешь. В детинце она живет, значит, – женщина бросила еще один взгляд на кошель, но уже более неприязненный. – Служанка она, хоть с виду и не скажешь. Вишь, вещичка-то какая богатая. Не иначе полюбовник ейный подарил. Воев...

– Хватит, – Млада предупреждающе подняла руку, останавливая готовый излиться на нее поток городских сплетен. – Значит, говоришь, правильно иду?

Женщина, обиженная, видно, тем, что ее прервали, поджала губы и махнула рукой вдоль улицы.

– Правильно-правильно, – пробурчала она. – Тут и не заблудишься. Ступай дальше – прям в ворота и упрешься.

– Спасибо.

Млада постаралась вежливо улыбнуться, но по взгляду бабы поняла, что ей это не очень-то удалось. Избегая дальнейшего разговора, она снова пошла к детинцу.

Травница не обманула: скоро его распахнутые ворота показались впереди, за поворотом улицы, а еще в паре десятков шагов от них шла та самая девушка. Сестра по несчастью. Домой она, похоже, не торопилась, будто там ее не ждало ничего хорошего. Почуввав взгляд Млады, она обернулась и остановилась.

Вблизи оказалось, что незнакомка не столь и молода, как привиделось поначалу. В уголках темно-карих глаз уже зарождались мелкие морщинки, как и вокруг полных, приятного изгиба губ. Лицом же из-за островатого носа она напоминала ворону. И цветом иссиня-черных волос, сплетенных в две тугие косы – тоже. Ростом незнакомка была ниже Млады, но вот в кости пошире да телом побогаче. Видно, по дому-то сильно не усердствует.

– Здравствуй, – не так приветливо, как ожидалось, улыбнулась девушка. Скорее, ее улыбка была усталой... или осторожной. – Я вот смотрю, не ты на Торге за воров погналась?

Млада кивнула и протянула ей кошель.

– Поздорову. Думается, твоя это вещица?

Девушка быстрохватила мешочек из ее ладони и прижала к груди, будто боялась, что его снова украдут прямо тут.

– Как?... – пораженно проговорила она и выдохнула: – Спасибо. Ты нарочно за мной пошла, чтобы отдать?

– Да, я искала тебя на Торге, но не нашла. Но оказалось, что ты живешь в детинце. А мне как раз туда надо до зарезу, – Млада качнула головой в сторону ворот. – Что, стражники ваши суровы? Пустят меня али нет?

Взгляд девушки, потеплевший было на мгновение, снова отстранился, точно подернулся ледяной коркой.

– Смотря зачем идешь... Мож, и не пустят, – она пожала плечами, а потом надменно вздернула подбородок. – Но, коли хошь, могу за тебя словечко замолвить.

Ишь ты, цаца какая... Недаром одежда у нее получше да почище той, которую обычно носят служанки. И держит себя совсем иначе. Видать, и правда непростая девица.

– Замолви, если понадобится, – согласилась Млада. Не в ее положении сейчас чураться помощи, хоть девушка нравилась ей все меньше и меньше.

– Звать-то тебя как?

– Млада.

– А меня Малушей кличут. Пойдем, чего на дороге зазря пыль пинать.

Показалось сначала, что у ворот детинца пусто. Здесь, похоже, никого не боялись: распахнутые настежь створки едва покачивал настырный ветер. Где-то вдалеке слышался неразборчивый гомон, а тут было тихо. У острогов все-таки прохаживались стражники, только к вошедшим в детинец будто бы и не повернулись вовсе. Млада старалась не слишком-то зевать по сторонам и не отставать от уверенно идущей впереди Малуши. Но невольно она все-таки приостановилась и, задрав голову, оглядела диковинный княжеский дом. Кажется, такие на западе называли «замок». Видно, местный князь в свое время много путешествовал, раз приказал возвести подобный в Кириате, посреди немерских земель.

Стены его бугрились вытесанными из гранита блоками, и дом, хоть построившие его зодчие и не отличались мастерством, выглядел основательно и грозно. Он загибался подковой; на восточной, выходящей к посадке стороне к нему примыкала кряжистая башня с плоской

крышей. С западной стороны высилась другая – чуть меньше. Она была еще не достроена. Из посада над стеной детинца виднелись лишь самые их верхушки.

– Куда это вы припустили? – послышался за спиной мужской голос.

Малуша обернулась и поморщилась, глядя поверх плеча Млады. К ним подошел вооруженный копьем стражник, невысокий, темно-русый, с пробивающейся в бороде сединой. За ним не сильно-то спешил другой, помоложе, еще безусый, но выглядящий гораздо внушительнее.

Малуша безразлично скользнула взглядом по нему и улыбнулась старшему.

– Так вот, знакомая моя давишняя хочет с воеводой поговорить. Дело у нее к нему, понимаешь?

Стражник ехидно сощурился:

– А ты, Малушка, сталбыть, ее учить взялась, как с воеводами разговаривать?

Женщина вдруг покраснела и мельком зыркнула на Младу. Та не шевельнулась, продолжая разглядывать часовых. Тот, что помоложе, уставился на нее с плохо скрываемым любопытством.

– Тебе-то что? – огрызнулась Малуша. – Говорю же, дело у нее.

Бородатый хмыкнул и многозначительно переглянулся с напарником.

– Ваше бабье дело – в поварне хлопотать. Ты тут нос не задирай. Мне твои шашни с верегом погоды не делают. А Бажану некогда, небось, с приبلудной девкой лясы точить, – повернулся он к Младе. – Хоть лоб расшиби.

Вот и замолвила Малуша словечко. Только хуже сделала.

Млада дослушала стражника, подождала, пока безусый перестанет ухмыляться, и кивнула в сторону замка.

– В дружину поступить хочу. Меч-то у меня не для красоты к поясу привешен. Проводишь к воеводе или мне самой его искать?

Малуша возвела очи горе и пошевелила губами. Бородатый стражник удивленно вскинул брови, будто не ожидал, что Млада вообще умеет говорить.

– В дружину, значит? – он усмехнулся и глянул на молодого, который упорно молчал. – Девиц в дружине у нас еще не было. Есть, конечно, бабы бабами, но чтобы так...

Его напарник беззвучно рассмеялся и указал на Младу острием копья.

– Да пусть идет, Витоня. Вдруг могучего воина от ворот прогонишь? Будешь маяться потом всю жись.

– Может, хочешь сам перед Бажаном кланяться за нее? – фыркнул бородатый.

– Кланяться – не кланяться, а провожу. Заплутает, чего доброго.

Тут же Малушу как ветром сдуло. Вот она стояла и сердито сопела рядом, а в следующий момент только и мелькнула подолом поневы далеко впереди да скрылась во внутреннем дворе. Млада благодарно кивнула молодому стражнику и под тихое ворчание бородатого пошла за ним.

Шли недолго, обходить замок не пришлось. Прямо сквозь него был проход внутрь «подковы». Они минули темную глубокую арку, и тут же на Младу обрушился шумный, бурный поток жизни детинца.

Здесь пахло недалекими конюшнями, мясной похлебкой из поварни и измочаленной под десятками ног травой. По всему двору раскинулись обширные деревянные навесы ристалищ. Все они были заполнены крепкими кметями. Дружинники сражались друг с другом, стреляли из луков и самострелов по мишеням. Балансируя на узких бревнах, пытались достать подвешенные на толстых веревках и раскачивающиеся от каждого удара тяжеленные мешки с песком. Чуть дальше были ристалища поменьше – там шли тренировки отроков, совсем юных и тех, что постарше, готовых, верно, через несколько лун пройти Посвящение.

Вдруг подумалось, что если Младу и примут сегодня в дружину, то сначала придется прислуживать в доме вместе с малолетними отроками. Эта мысль даже позабавила: вот уж славно она будет смотреться рядом с сопливыми мальчишками! Однако решение принято, и теперь во что бы то ни стало ей нужно попасть в дружину, какими бы окольными путями это ни вышло. Пусть заставят чистить конюшни, а придется задвинуть гордость подальше и помалкивать. Умений это не уменьшит, а вот лишний раз кочевряжиться – только себе вредить.

Стражник, ни на мгновение не задержавшись, провел Младу стороной вокруг ристалищ к выстроившимся одна за другой дружинным избам. Все они были приземистыми, длинными, сложенными из толстенных бревен. Какие-то, видно, давнишние, другие – еще пахнущие сосновой смолой. Расспросив о чем-то сурового и чуть измученного на вид кметя, стражник махнул рукой Младе. Она подошла, чувствуя на себе колкие взгляды снующих кругом парней.

– Жди здесь, – заговорщически произнес часовой и скрылся в избе.

И уж как бы ни успела закалить жизнь, а стало не по себе. Много приходилось слышать о княжеском воеводе Бажане. Что-то случайно, что-то выведывать нарочно. Поговаривали, прошлое у него настолько туманное, что другой раз люди не решались о нем судачить. Однако все твердили как один: воевода служил раньше у отца здешнего князя Драгомира – в расположенном далеко на западе Новруче. А потом ушел вслед за молодым правителем, попав при этом в большую немилость к его родителю. Семей воевода так и не обзавелся... Может, потому что нрав имел крутой и ворчливый. Но князь его ценил и доверял ему.

Младе уже показалось, что она долго вынуждена будет празднично наблюдать за кметями, как над плечом грянул звенящий сталью голос:

– Как звать тебя, блоха?

Млада обернулась, не веря своим ушам. Это она-то блоха? И только увидев воеводу, поняла, что такое замечание из его уст не столь уж оскорбительно. Бажан возвышался над ней на целую голову, а в плечах был шире едва не в половину. Окладистые, с проседью борода и усы его обрамляли твердо поджатые губы, прищуренные серые глаза излучали подозрительность. Млада, все же рассерженная небрежным обращением, шумно втянула носом воздух. Но ответить не успела.

– Ты что, Денко, немую ко мне привел? – глянул Бажан на стражника; тот лишь плечами пожал.

– Меня Младой зовут.

Воевода скрестил руки на груди.

– Не, ты глянь, разговаривает! Что, дорогой ошиблась... Млада?

Он в который раз оглядел ее с головы до пят, чуть задержавшись на висящих у пояса ножнах. Издевается, значит. Ведь такие, как он, сразу отличат воина от того, кто только хочет им казаться. И потому Млада удержалась от грубости. Пусть ерничает, раз охота. А ей лишний раз огрызаться не к лицу.

– Не ошиблась, – она окинула воеводу ответным взглядом. – В дружину поступить хочу. Или стражник ваш не сказал?

Воцарилось молчание, но через мгновение его нарушил раскатистый хохот воеводы.

– Да тебя разве что в поварню взять можно, стряпню готовить, – Бажан смахнул выступившую от смеха слезу. – Дружинники еще покалечат тебя мимоходом, – и добавил уже серьезно: – Думаешь, меч стащила у отца и уже воином стала?

Млада лишь стиснула зубы.

– Поставь против меня любого своего воина, воевода, и узнаешь, что я могу. А то так до утра препираться можно.

– Да, препираться любая баба сильна. Только не каждая мечом махнет так, чтобы себя саму не зарубить, – Бажан хмыкнул. – Но раз ты утверждаешь, что способна победить любого

из княжеских воинов, то пойдем. Будем проверять твои воинские умения. А ты, Денко, на пост свой иди. Неча тут без дела слоняться.

Вслед за воеводой Млада прошла между ристалищ. И все это время ей хотелось поежиться, словно от чьего-то настойчивого взгляда, не тяжелого, но изучающего. Она даже несколько раз обернулась, но ни один из кметей не смотрел на нее так, будто разбирал на части и проникал под кожу. Странно. Видно, почудилось. И немудрено – столько народу вокруг.

Наконец воевода остановился у дюже людного ристалища. Там парни, кажется, из-за чего-то повздорили. То и дело слышались запальчивые выкрики дружинников, а им отвечали такие же злобные, но как будто на чужом языке.

Бажан мрачно обвел взглядом толпу, но разводить спорщиков по углам не стал. Только выждал маленько, еще раз посмотрел на Младу, насмешливо крякнул и обратился к дружинникам:

– Так. Кто желает сразиться с этой доблестной воительницей, чтобы мы смогли по достоинству оценить ее боевое мастерство?

Млада нахмурилась: его слова прозвучали с откровенной издевкой. Заинтригованные кмети притихли и как один повернулись к воеводе. Напряжение, которое ощутимо окутывало их мгновение назад, испарилось. Парни тихо запереговаривались. Послышались смешки.

– Ты что, Бажан, шутковать тут вздумал? – раздался откуда-то из-за спин зычный возглас. – Хочешь, чтобы мы ненароком зашибли ее? Ну уж нет! Ты бы еще с дитем сражаться велел!

Среди дружинников пронесся нарастающий гогот. Парни, переговариваясь, решили было вернуться к своим делам, кто-то начал расходиться, но Бажан нарушил общее веселье:

– Ну, раз ты тут самый разговорчивый, Медведь, то вот и выходи сюда! А то языком махать все горазды. Ты лучше мечом помаши лишний раз – может, толку будет поболее!

Прозвище будущего противника настораживало, но обещало интересный поединок. Пробурчав что-то неразборчивое, Медведь вышел из толпы. Его вид вызвал удовлетворенную улыбку: придется попотеть. Он, как и ожидалось, был похож на огромного зверя. Темноволосый, всклокоченный после целого дня тренировок, заросший неровной щетиной. Видно, недавно решил бороду отпустить. Ростом парень был не так высок, как воевода, но будто весь, включая голову, состоял из литых мышц. В огромной пятерне Медведь сжимал внушительный меч, и казалось, он с легкостью может разрубить человека напополам, едва махнув им. Кметь устало посмотрел на Младу, как на насекомое, недостойное внимания, но крайне надоедливое.

– Может, не надо? А, воевода? – Медведь сморщился, оглядываясь на товарищей.

– Поговори мне еще, – отмахнулся Бажан.

Затем воевода снова оглядел Младу, будто ожидая, что вместо нее сейчас возникнет дюжий воин, равный такому противнику, как Медведь. Она насупилась. И сколько можно-то?

– Мечи-то хоть турнирные возьмите: нам тут нечаянные убийства не нужны, – проворчал Бажан и нарочито безразлично отвернулся.

Медведь отдал свой меч собрату и взял вместо него увесистый и затупленный турнирный. Млада попросила для себя такой же. Ножны со своим клинком она сняла и, нисколько не смущаясь, отдала Бажану. Тот удивленно вкинул брови от такого нахальства, однако без возражений принял оружие. Ристалище, куда вышли Млада и ее противник, широким кольцом окружили любопытствующие дружинники. Послышались первые шуточки и подбадривающие возгласы. Некоторые весьма похабные. Бажан строго глянул на расшумевшихся кметей – и тут же стало тихо.

Млада приняла боевую стойку, зорко наблюдая за каждым движением Медведя. Дружинники затаили дыхание. Вдалеке послышался рассерженный окрик какой-то женщины и гомон отроков у конюшен. На лице кметя расплылась снисходительная улыбка, мол, не бойся, сильно бить не буду. Он, держа меч в опущенной руке, медленно обходил Младу сбоку. И нападать

вроде бы не собирался. Млада улыбнулась в ответ одним уголком рта. Недобрая, зная, вышла улыбочка, потому что Медведь тут же помрачнел.

Первый удар кметя пронзил пустоту. Млада отклонилась. Скользящим шагом ушла в сторону. Удовлетворенно хмыкнув, Медведь развернулся в новом выпаде. Меч его ударился о клинок Млады. Громкий лязг звоном отозвался в ушах. Она отступила, наклонила меч, давая оружию Медведя соскользнуть. Крутанула в развороте. Не тут-то было! Кметь рукоять не выпустил. Ну что ж – попытка не пытка.

Шаг назад. Выдох. Обманное движение острием меча.

А Медведь не промах. На уловки Млады не попался. Почти. Тяжелые, но не слишком точные удары посыпались один за другим. Быстро, в связке. Проворный кметь – и не гляди, что огромен, как валун. Двигается плавно и уверенно. Но слишком торопится отделаться от навязанной воеводой обязанности.

И потому ни один из его ударов не достигал цели. Млада уворачивалась и наносила удары в ответ. Кружила, то и дело доставая кметя кончиком меча со всех сторон. Она знала: воевода все видит. Но поединка тот не останавливал. Дружинники вокруг молчали. Лишь иногда тишина разрывалась шелестом их коротких шепотков.

Младу охватывал знакомый ритм боя, когда чувствуешь все движения противника наперед. Знаешь, куда он ударит в следующий момент, и успеваешь исчезнуть с этого места, прежде чем он занесет меч. Медведь гонялся за ней, как пес за осой, отставая на шаг, на полшага. И злился все сильнее.

А Млада будто снова слышала слова Ворона. Тихие, отрывистые, направляющие. Две зимы и два лета пришлось нарабатывать умения под его строгим руководством уже после расставания с Наставником. Бесконечные тренировки теперь давали о себе знать – тело работало уверенно и вместе с тем легко.

В свой ритм Млада вовлекла и Медведя. Загнала его в ловушку. Задавила скоростью и неумовимостью движений. Кметь хватал ртом воздух. Рубаха вокруг его шеи намочила от пота. Удары стали более размашистыми и далеко не такими быстрыми, как поначалу. Млада уже почти не отбивалась. Только отклонялась, уворачивалась – дразнила.

Очередная атака Медведя снова провалилась. Пора и честь знать. А то так и помрет здесь от разрыва сердца. Млада по дуге зашла ему в спину. Прошла мечом по животу, а затем приложила между лопаток. Кметь не удержал равновесие, качнулся и рухнул на одно колено. Млада приблизилась. Обхватила ладонью его подбородок и запрокинула голову. Медведь оскалился и опустил взгляд на затупленное лезвие меча, которое уперлось ему в шею.

Среди дружинников пронесся удивленный вздох.

– Ты убит, – тихо произнесла Млада над ухом кметя. – Половчее надо быть.

Тот глухо рыкнул и дернулся из хватки. Млада отпустила его и отошла. Дружинники шумно встретили Медведя, кто-то похохатывал над ним, кто-то пытался утешить. Кметь только огрызался и исподлобья косился на Младу. Зная, сильно осерчал.

Бажан молча и хмуро взирал на поверженного воина, не сходя с места. А потом перевел взгляд на Младу, и в нем почудилось смутное узнавание. Как будто во время поединка он что-то понял или о чем-то догадался. Уловил в движениях Млады что-то знакомое. Это было бы скверно. Но догадки не всегда перерастают в уверенность, а вот доверия могут поубавить.

Млада спешно двинулась к воеводе, чтобы забрать меч, но не успела. Бажан медленно вытянул его из ножен, осмотрел – и помрачнел еще больше. Нехорошо.

– Гляжу, меч-то у тебя занятый, – проговорил он, лишь Млада подошла. – Правда из хадымской стали или ариванская подделка?

– Может, и подделка. Я у торговца не спрашивала, – невозмутимо соврала она. – Хороший клинок – мне этого достаточно.

– Хороший... – задумчиво согласился Бажан, глядя ей за спину. – Им ты, думается, сражаешься так же ловко, как в поединке.

– Скромничать не буду...

– И не надо. Я все прекрасно вижу сам, – воевода протянул Младе ножны и помолчал, пока она застегивала пояс. – Вот только любопытно мне. Чего это воительнице, столь умелой, рваться в дружину? Таких, как ты, я видал редко, но все же видал. Обычно они ходят в наемницах у купцов, толстых как кошель, так и брюхом. А по ночам делят с ними постель. Чем не жизнь? Если разбойники стрелами не утычут на каком большаке. А ты пришла издалека – и в дружину. Здесь денег и почестей куда меньше.

– С детства мечтала, – осклабилась Млада. – Вот и пришла.

Бажан, понятное дело, не поверил. И снова глянул в сторону замка, будто ждал чего-то.

– Тяжелое, видать, детство у тебя было, – он усмехнулся, не догадываясь, насколько оказался прав. – А ты знаешь, что мы в поход на вельдов собираемся? Спокойно в детинце отси- деться не выйдет.

– Знаю.

– И все равно хочешь стать кметем? – кажется, он искренне удивился.

– Я же до сих пор тут. Слушаю болтовню княжеского воеводы. Значит, хочу.

Бажан коротко рассмеялся.

– Остра ты на язык, Млада. С таким умением друзей не наживешь. Мужик, знаешь, не любит, когда ему девка в бок мечом тычет, да еще и посмеивается.

– Мне до любви кметей дела нет, – она повела плечом, окидывая взглядом спящих кругом дружинников. – Ты мне голову не морочь, воевода. Говори, возьмешь в дружину, или я пойду к князю схожу?

– Ты погоди, не скажи, – беззлобно ответил на грубость Бажан. – Вот блоха, она блоха и есть. Не нужно к князю идти. Сам он уже решил к нам наведаться.

Воевода кивнул на кого-то, кто приближался со спины. Млада оглянулась и тут же охолонула, позабыв о допросе Бажана, который едва удалось удержать в безопасном русле. Уж больно не хотелось много о себе рассказывать – ни к чему.

Со стороны замка шел высокий, стройный, но сильный на вид мужчина. Сразу смекнуть можно – воин. Солнце, которое уже низко клонилось к закату, обрисовывало сиянием рукоять висящего на поясе меча и серебряные чеканные бляшки на поясе. Кмети молча и уважительно расступались, провожали князя взглядами. И вокруг становилось невероятно тихо. Даже как будто перестал буянить жеребец, которого вели мимо ристалищ. А конюший перестал крыть его забористой бранью.

Одет правитель был просто, как и многие здесь: вышитая рубаха да темные суконные штаны, заправленные в высокие, почти до колена, сапоги. Но при виде его Млада подумала, что готова была бы провалиться на этом месте, если бы спутала его с обычным дружинником. То ли дело в завидной выправке, то ли в спокойном и величавом интересе, с которым он смотрел на других, но Млада, никогда и никому до сего дня не служившая, вдруг поняла каждого мужчину здесь.

Вблизи оказалось, что князь гораздо моложе Бажана. Пожалуй, лет на пятнадцать. Морщины еще не успели изрезать его лицо с породистыми, чуть неправильными чертами, а на голове и в короткой бороде не было ни одного седого волоса. Правитель остановился рядом с воеводой и неспешно оглядел Младу. Тело пронзило теми же странными ощущениями, что она испытала недавно. Как будто Драгомир умел проникать сквозь кожу и выворачивать душу наизнанку. Теперь стало понятно, чей взгляд она чувствовала. Это было необычно, но в то же время интригующе. Казалось, от князя нельзя утаить ни одной мысли.

Но вопреки опасениям, Драгомир приветливо улыбнулся.

– Мне уже рассказали о поединке. И, судя по тому, что Медведь ходит как в воду опущенный, он удался на славу, – князь повернулся к Бажану. – Что скажешь, воевода? Стоит брать девицу в дружину?

Но по голосу правителя было понятно, что никаких возражений он не примет. Так, интересуется для порядка. Бажан тоже это понял – помолчал, размышляя. Похоже, по каким-то только ему известным причинам принимать Младу в дружину он не хотел. Но и тех самых причин называть не собирался.

Наконец воевода вздохнул, глядя в сторону:

– Хальвдана стоило бы спросить.

Кто-то из отирающихся неподалеку дружинников громко хмыкнул на его слова. На него зашикали. Князь тоже улыбнулся, опустив голову.

– Раз уж Хальвдана пока нет, то и решение не ему принимать, – проговорил он жестко. – А пока пусть девица обустраивается. Такого воина прогнать – все равно что дружину обокрасть.

Бажан скривил губы. Не иначе через себя переступает.

– Только с девицами ее поселить надобно. Кметь – не кметь, а все одно девка. Кабы чего не было... – он обвел взглядом дружинников.

На лицах некоторых парней расплылись ехидные улыбки. Даже смурной после поражения Медведь, который тоже подтянулся ближе и прислушивался к разговору, ухмыльнулся. Да уж, девиц пощупать каждый из них горазд. Оказаться посреди разгоряченной постоянными тренировками мужской ватаги – еще этого не хватало. Не то чтобы Млада их опасалась. Просто отбиваться замаешься.

– Уж вы разберитесь, где ее поселить, – пожал плечами князь и повернулся было уходить, но задержался. – И зайди потом ко мне, Бажан. А ты, Медведь, пойдешь темницы сторожить, если и впредь будешь девицам в драках уступать.

– Так они ж пустые, княже, – попытался возразить тот, – темницы-то.

– Значит, будешь следить, чтобы туда никто не пробрался, – усмехнулся Драгомир и похлопал его по плечу.

Дружинники хохотнули. Медведь сокрушенно понурился, пряча глаза. Князь неспешно пошел к дому. И только когда он исчез из виду, Млада поняла, что не сказала ему ни слова благодарности. Да и вообще все это время простояла молча, как воды в рот набравши. Может, и правильно... Нечего на разговор с князем набиваться, тем более что в разговорах Млада была не сильна. Правда, в душе поселилось странное беспокойство и кожу как будто до сих пор жгло от пристального княжеского взгляда. Что за наваждение!

– Ты часом в землю не выросла? – голос Бажана чуть не заставил вздрогнуть. Млада вздохнула и подняла на него глаза. Воевода цыкнул, качнул головой. – Пойдем, покажу тебе клеть, где жить будешь.

Млада двинулась было следом, но Бажан вдруг остановился.

– И да, – сказал он, едва обернувшись. – Князь сам сюда спустился, чтобы распорядиться насчет тебя. Такого сроду не бывало. Значит, что-то он в тебе увидел. И, если ты хоть в чем-то его разочаруешь, не оправдаешь его доверия – я лично сломаю каждую кость в твоём теле, блоха.

Млада не нашлась, что на это ответить. Но, думается, ответа воевода и не ждал.

Горница, куда поселили Младу, оказалась светлой и просторной. Небольшие окна выходили на восток: двора с дружинными избами из них не видать – лишь стена да один из острогов. Наблюдай за стражниками сколько влезет. Да только не хотелось. Оказалось, что в клетки живут еще две девушки: их аккуратно застеленные лавки стояли у стен. На одной лежали большие пяльцы с зажатой в них рубахой – кажется, мужской, – Млада проверять не стала. На другой – редкий костяной гребень, а рядом с ней стояла резная прялка. На веретене было намотано уже много нити.

Рукодельницы, значит.

Млада вздохнула и бросила дорожный мешок на свободную лавку. Уже более неподходящее соседство, чем две девицы, сложно для себя придумать. Хотя она тоже рукодельница. Только о ее ремесле вечером у зажженной лучины не поговоришь.

Сидеть в пустой горнице – только время терять. Млада решила вернуться во двор: оглядывать тренировочное поле дружины куда интереснее, чем углы в комнате. В конце концов, теперь предстояло служить с кметями бок о бок долгое время. Не сказать, чтобы это очень радовало – привычка всегда быть одной давала о себе знать, – но сейчас куда денешься. Захотела идти до конца – будь добра терпеть и несколько сотен дружинников вокруг, и девиц. Сама пришла, никто за руку не тянул.

Солнце уже скрылось за стеной детинца. Многие кмети разбрелись по дружинным избам. Некоторые особо упорные продолжали потеть на ристалищах. Отроки откровенно бездельничали и глазели на рослых старших братьев, собираясь кучками. А что – тоже наука.

Млада устроилась на лавке за спинами мальчишек и невольно приросла взглядом к гурьбе необычно светложких, по сравнению с остальными, мужчин. Почти у всех волосы были рыжими или выгоревшими на солнце едва не до белизны. У многих они были частично заплетены в косы у висков или на затылке. Но больше всего внимание притягивали их глаза: голубые или светло-серые. Холодные. Мужчины стояли недалеко от Млады и переговаривались, тоже наблюдая за тренировками братьев. Только ни одного слова из их речи она понять не могла.

Послышались шуршащие по сухой траве шаги – и рядом сел Медведь, заняв едва не всю оставшуюся лавку. Даже Младу чуть подвинул.

– Вереги, – проговорил он не слишком-то тепло. Показалось даже, сплюнет себе под ноги. – Те еще говнюки. А без своего воеводы совсем распоясались.

Да, Млада слышала что-то и о втором воеводе князя – Хальвдане. Но о нем говорили намного меньше, чем о Бажане. Видать, его жизнь была куда более прозрачной и куда менее загадочной.

– Никогда их не видела, – после короткого молчания нехотя ответила Млада.

И так наговорила за день – хоть седмицу теперь молчи. Ее вполне устраивало и одиночество на этой вот лавке. Но не гнать же Медведя.

– Где ж ты жила до этого? – кметь панибратски подтолкнул ее плечом.

Млада тихо скрипнула зубами.

– Где жила, там меня уже нет.

– Ну, не хочешь – не говори, – усмехнулся Медведь. – А я из деревни Рысей – Беглицы. Тут в пяти десятках верст от Кирията будет.

Млада повернулась к нему, стараясь вложить во взгляд все безразличие, на которое была способна. Но на кметя это не подействовало. Он только внимательнее всмотрелся в ее лицо, и вдруг улыбка сползла с его губ. Тут-то стало видно, что без этой дурашливой ухмылки он даже хорош собой. Млада снова отвернулась. А вот Медведь продолжил смотреть, как заколдованный.

– Не в обиде на меня? – пробормотала она. Лишь бы это переставшее быть приличным изучение ее прекратилось.

Медведь кашлянул.

– На что обижаться? На то, что уступил в схватке хорошему воину? Глупости.

– Мало ли.

Пусть думает, что она – воин. Ни к чему Медведю знать, кому на самом деле он уступил в схватке. Победить ему было почти невозможно. Но кметь не знал, и потому в его голосе слышалось легкое восхищение. Оно почему-то сильно раздражало. Млада часто чувствовала раздражение, когда думала о том, как научилась владению оружием и для чего случалось свои навыки применять. В дружине это как будто принимало другой оттенок, но сути своей не меняло.

Молчание затягивалось. Кмети стали расходиться, многозначительно поглядывая на Младу и примостившегося рядом с ней Медведя. Вереги во дворе тоже не задержались и двинулись вслед за остальными. Отроки убирали небрежно брошенное тут и там тренировочное оружие, кое-где зажигали закрепленные в держателях факелы.

– Пойдем, – вздохнул Медведь, – а то в трапезной места останутся только с краю столов. Ты голодная, небось.

И правда. А Млада и думать забыла, что так за весь день ничего и не съела. Пустое нутро, смирившись, уже давно перестало о себе напоминать. А теперь снова встрепенулось, заурчало. Она кивнула и пошла за Медведем.

В трапезной было душно и невероятнолюдно. И сейчас стало понятно, насколько много воинов в дружине. Они роились, как муравьи. Замученные отроки только и успевали проскальзывать между их могучих плеч, при этом умудряясь не ронять огромные братины⁴, из которых невыносимо вкусно пахло кашей. Другие разносили енды⁵ со сбитнем или широкие миски с вареной говядиной.

Медведь почти силой втиснул Младу ближе к середине одного из столов. Парни начали было ворчать, но увидев, кого усадили рядом с ними, просветлели лицами. Их взгляды подернулись знакомым масляным блеском, говорящим о том, что девушек к кметям подпускают нечасто. А в дружинных избах им появляться и вовсе запрещено.

Скоро, боясь лопнуть от съеденного, Млада облокотилась о стол и вслушалась в разговоры парней. Все кругом улыбались и просто излучали силу да молодецкую удаль. Блюда пустели, истории становились разнузданней. Голова тихо трещала от несмолкаемого шума, но все равно было хорошо и спокойно. Болтовня парней слилась в один сплошной гул, и Млада погрузилась в свои мысли. Теперь она видела, как в скором времени пойдет в поход со всеми этими мужчинами. Каждого из них вел вперед долг перед князем или своей семьей, хотя, может, кого-то вело и тщеславие. Не ей судить.

Такие разные и живущие как единое целое.

Млада перебегала глазами от одного лица к другому, натываясь на улыбки, любопытство и недвусмысленный интерес. Чужие люди, которые не успеют стать близкими. Многих имен она даже не запомнит. Ее вела вперед ненависть, горячая и не утихающая с течением лет. Сжимающая горло раскаленной рукой. Месть, заставившая сломать саму себя, превратиться в убийцу. Такой, как она, не место среди других людей. Млада никогда и не стремилась к ним, окутанная безразличием ко всем, кто попадался на пути.

Сейчас ничего не изменилось. Не должно измениться. И как только умрут все вельды, до которых дотянется рука, она покинет дружину.

⁴ Братина – большой глиняный горшок с ручками.

⁵ Енда – низкая, большая керамическая или луженая братина с рыльцем, для пива, браги, меда.

Глава 2

Млада ушла из трапезной, когда уже совсем стемнело. Лишь небо над стеной детинца еще отсвечивало последними искрами желтого осеннего заката. В замке стояла тишина, но, если прислушаться, можно было разобрать тихий гомон женских голосов в недалекой поварне. Да и наверху иногда приглушенно раздавались чьи-то шаги. Млада с первого раза хорошо запомнила путь по замковым коридорам и быстро дошла до клетки. Затворив за собой дверь, остановилась и прикрыла глаза. И только мгновением позже услышала тихое шебуршание.

– Вот не думала, что тебя здесь поселят, – недовольно отозвалась сидящая на своей постели с пятачками в руках Малуша.

Последняя ее доброжелательность испарилась, видно, еще днем, у ворот детинца. Теперь женщина смотрела на Младу исподлобья, недоверчиво посверкивая темными глазами. Вторая же, более молодая девица, наоборот, рассматривала ее приветливо и удивленно, слегка приоткрыв рот. Отчего ее круглое и румяное лицо казалось глуповатым. Опомившись, она коротко глянула на подругу и опустила голову, перебирая в пальцах кончик русой, толщиной в запястье, косы.

– А что ж ты думала, Малуша, – Млада неспешно прошла к своей лавке и села, убрав из-под спины дорожный мешок, – что я в хлеву прозябать буду? Или погонят меня?

– Думала, с кметями поселят. Ведь ты вроде как не девица, а тоже дружинник теперь, – та ядовито усмехнулась.

Вот, значит, как. Кошель у вора отбирать – хороша была, а как рядом села, так сразу разонравилась. Поганая, однако, бабенка, эта Малуша. Не обмануло предчувствие.

– Меня Раска зовут, – ни к селу ни к городу влезла круглолицая девушка.

Млада глянула на нее, приподняв бровь.

– Млада.

– Сегодня только о тебе в доме и говорят, – затараторила девчонка, опасливо поглядывая на Малушу. Та же уткнулась в вышивку, будто и не слушает вовсе.

– Поговорят да перестанут, – Млада начала расшнуровывать нагрудник.

Правду сказать, она уже валилась с ног и с удовольствием легла бы сейчас спать, но соседки, похоже, укладываться пока не собирались.

Покусав губу, Раска некоторое время понаблюдала за тем, как Малуша выписывает на ткани стежок за стежком, а потом вдруг вскочила и шагнула к ней.

– Ну, тут же! Тут, не видишь, поехала голова у петуха?

Женщина с бешенством подняла на нее глаза и отдернула рубаху от ее рук.

– Сама разберусь!

Раска пожалала плечами и снова уселась на место.

– А и вышивай, как хочешь. Хальвдану и так все равно будет.

Млада отвернулась, пряча улыбку. Затылок ощутимо жгло раскаленным взглядом Малуши. Раска, поняв, видно, что болтнула лишнего, вжалась спиной в стену. Молчание наполнилось напряжением, разрасталось огромным вязким комом. Казалось, от него скоро станет тяжело дышать. И стоило бы перевести неуклюжий разговор на другую тему, но Млада не удержалась:

– А что, второй воевода-то княжеский где? Только и слышу сегодня о нем, а увидеть не довелось.

Раска открыла было рот, чтобы ответить, но Малуша поспела раньше нее.

– Он еще не вернулся. Уехал по поручению князя, – нарочито безразлично произнесла она. – Ты повстречаешься с ним еще, и сохранят тебя боги, если ему к душе не придется.

– И сохранят, если придется... – тихо добавила Раска.

Малуша только фыркнула, продолжая сосредоточенно вышивать.

Млада вздохнула, переводя взгляд с одной соседки на другую и мысленно проклиная Бажана с его заботливостью. Уже лучше от кметей отбиваться, чем сидеть в комнате, пропитанной плотным духом извечного женского соперничества. Много раз доводилось видеть страшные последствия подобной едва сдерживаемой вражды. Но тут, думается, дело не пойдет дальше зубоскальства. Не из того теста девицы.

Замаявшись сидеть в тишине, Млада переоделась, ополоснула лицо и шею из стоящего в углу ушата с едва теплой водой. В баньку сходить бы, да усталость с ног валит. Освежившись, она сложила вещи на лавку рядом с постелью, забралась под тонкое покрывало и молча отвернулась к стене. Разгоняемый лучинами мрак горницы давил на голову и веки.

Даже тихая возня соседок за спиной не помешала через мгновение провалиться в сон.

* * *

Это сновидение не навещало Младу очень долго. Наверное, лет десять. Воспоминания о нем шевелились в душе, точно обрывки прозрачного поутру тумана, но на поверхность не выбирались. А тут вспыхнули, как политые маслом раскаленные угли. И полыхали...

Полыхали дома вдалеке; над лесом поднимался дым, марая белые облака смрадной копотью. Млада чувствовала запах гари и боялась возвращаться. Наверное, должна была. Но не могла. Потому что так сказала мать. И Млада знала, что там, в Речной деревне – смерть. Повсюду. Пришедшая с отрядом всадников, диких, черноволосых и черноглазых, в расшитых угловатым узором кожаных сапогах. С изогнутыми мечами на поясах.

В ушах еще звенел крик матери, влажной тряпкой в груди душил плач. Но Млада не позволяла себе разреветься. Ни сейчас, ни после. Никогда больше. Она укрылась за кустом бузины у пригорка и слушала отдаленный шум: ор, топот, треск горящих избушек бревен – звук, с которым умирала деревня. Умирал ее род. Не слышно было плеска Нейры неподалеку, стихли птицы в ветвях. Затаились. Только стая ворон, чуя скорый пир, пронеслась в вышине, запятнав землю россыпью теней.

Млада не могла уйти дальше – ноги не слушались. Она сидела там, где силы покинули ее, и вздрагивала от озноба в разгар лета. Одна. Больше в лес никто не побежал. Босых ступней касались прохладные стебли травы – Млада даже не успела обуться. Влажная от росы земля промочила рубаху. По руке полз муравей. Бузина шелестела над головой.

С тех пор Млада ненавидит запах бузины...

– Млада! Проснись! Ты чего? – кто-то настойчиво потрянул за плечо.

– Прочь! – она вскочила, зажмурившись. Махнула рукой. – Уходи!

Тихий вскрик – и брякнул упавший на пол светец. Лучина погасла. Снова стало темно. После короткой, перемешанной с гневным бормотанием возни огонек снова зажегся.

– Глянь на нее! Совсем шальная, – пораженно проговорила из своего угла Малуша, поглядывая на трущую ушибленную щеку Раску. – Говорила же тебе: не лезь.

– Дык она выла так, что стража на улице, небось, услышала!

Млада отняла ладонь от бедра, к которому прижала ее в надежде нащупать кинжал. И хорошо, что его не оказалось. Иначе Раска могла пострадать еще больше. Ладно если порезом

отделалась бы, а то ведь сдуру и насмерть можно пырнуть. Соседки застыли на своих местах, поглядывая недоверчиво и с легким отвращением. Так на улице смотрят на ободранную полоную нищенку честные горожане, проходящие мимо.

– Прости, Раска, – Млада вздохнула и прислонилась спиной к прохладной стене. Сжала пальцы, до боли вонзая ногти в ладонь. – Просто скверный сон. Пес знает, что на меня нашло. Девчонка поморщилась и еще раз тронула скулу.

– Коли синяк будет – так и скажу, что это ты меня побила, – она вдруг облегченно улыбнулась.

– Скажи. Этому никто не удивится.

– Эдак ты нас тут всех синяками отметишь, если каждый раз спросонья кулаками будешь махать, – проворчала Малуша, снова укладываясь.

Это уж точно. Проклятый сон. И с чего бы ему снова становиться таким ярким, будто все произошло только вчера? Не иначе виновато возвращение на земли, которые за много зим забылись так крепко, что уже и родными-то не казались. Хоть смутно помнила Млада и этот холм, где сейчас стоит Кирият, и озеро, примыкающее к нему с северо-запада. Раньше тут были деревни. Давно. Говорят, многие из них погибли так же, как и Речная. Истреблены жители, сгорели дома... И землю ее, верно, топтали косматые кони тех же черноглазых всадников, впечатывая в нее кровавые следы подков.

Подохнуть бы вельдам в Пекле! Каждому из них.

Долго бы ему пустовать, холму, омытому людской болью, если бы Драгомир не возвел здесь город. И за суетой развернувшейся вокруг жизни как будто забылось все, что произошло какой-то десяток лет назад. Или попросту люди об этом молчали. Млада же по дороге в Кирият нарочно обошла стороной то место, где раньше стояла Речная деревня, пусть ее и тянуло туда, как воловией упряжью. Хотелось взглянуть на нее еще раз, напиться злостью сызнова. Посидеть на берегу Нейры под ивами, пройти тропой, которая увела ее далеко от дома, сгинувшего в пожаре. Но она только ехала по Южном тракту, не сворачивая. Теперь думала, что, может, и надо было потратить лишний день, но дойти. Ведь больнее уже не будет. Никогда.

Соседки снова улеглись спать, а Млада так и не сомкнула глаз до самого утра, чувствуя, как отвратительной многоножкой елозит по хребту сегодняшней сон. Все никак не хочет уходить. Изводит. Косое, бледное пятно света упало через окно на стену и поползло вниз. Где-то в городе, а может, и в детинце, звонко заорал петух.

Тихо посапывала Раска, Малуша спала беспокойно и постоянно ворочалась, сбивая в ком простынь. Показалось даже, что всплакнула. Млада прикрыла веки, полежала так немного и решила вставать. Все равно уже не уснуть.

В клетке было зябко: хоть и жарко днем, а все ж осень на дворе – по ночам одно что не подмораживает. Млада, чувствуя тяжесть бессонной ночи и нетерпение требующего разминки тела, села на лавке и опустила ноги на холодный пол. Отдернула на миг, морщась, но усилием воли встала. И только потом открыла глаза. Стараясь не шуршать и не греметь ногами, она собралась и вышла во двор.

Тут же остатки сна смахнуло прохладным утренним ветром. Рассвет уже разлил по легким облакам зыбкий пурпур, но, будто наигравшись, в следующий миг заменил его сияющим золотом. Вдалеке, в темных зарослях деревьев, которые отсюда нельзя было разглядеть, звонко чирикали зарянки. Млада, на ходу надевая перчатки и разминая плечи, пошла к ристалищам. Город и детинец еще спали, не нарушая утреннюю тишину гулом голосов и обычных дневных звуков; только у южных ворот стражники менялись на посту, лениво поругиваясь между собой.

Но оказалось, что выйти поутру на пустующие ристалища решила не одна Млада. В разбавленных солнцем сумерках разминался незнакомый светловолосый мужчина; по земле за ним послушно скользила вытянутая бледная тень. Он легко управлялся с длинным полукруглым мечом, искусно выполненным и явно хорошо сбалансированным. Разминался вдумчиво

и последовательно, заставляя работать каждую мышцу. Прохлада, видно, совсем его не беспокоила: обнаженная широкая спина лоснилась от пота, но дыхание не было тяжелым, да и движения, уверенные, плавные, говорили о том, что он устанет еще нескоро.

Умелый воин, опытный. Уже переставший по-юношески расточительно относиться к собственной силе и мастерски управляющий ею. За таким и понаблюдать украдкой не стыдно. Млада медленно и тихо подошла, прислонилась плечом к опоре навеса.

Под крышей скрипнуло – и влажный утренний воздух будто бы осыпался на землю. Воин развернулся в выпад и замер, тут же опустив руку. Несколько мгновений он серьезно и нагло оглядывал Младу, ее оружие, потом дернул белесой бровью и отвернулся. Будто ничего интересного не увидел. Млада в изумлении качнула головой. Ни тебе расспросов, ни шуточек. И мало-мальского приветствия не удостоилась. Хотя и она хороша: так же молчала да рассматривала его, наверное, так же нахально. Даже успела заметить застарелые шрамы на правом боку воина и витую серебряную гривну на шее.

Казалось, знакомство тем и закончится – можно уходить. Однако мужчина заговорил, и в его низком, глубоком голосе неожиданно послышалась улыбка.

– Не знал, что по возвращении меня подстерегает здесь такая приятная неожиданность, – он прошел к ограде ристалища, взял висящее на ней полотенце и снова повернулся к Младе. – Так вот она какая, нашумевшая вчера криг'хэррэ! Медведь, небось, до сих пор во сне вздрагивает и мамку зовет. Бедолага.

Едва заметный акцент, как и необычная для здешних мест наружность, выдавали в воине чужеземца. И родича тем верегам, которых довелось видеть накануне. Уже смутно догадываясь, кто перед ней, Млада неспешно приблизилась.

– А я гляжу, все княжеские воеводы скоморохами подрабатывают в свободное от службы время, – ответила она, остановившись неподалеку.

Кажется, колкие слова вовсе его не задели. Воевода только громко хмыкнул и еще раз сверкнул на Младу синими, как лазурит, глазами, расчесал пятерней выбритые на висках волосы – не иначе по укладу северных воинов. И вдруг улыбнулся, холодно и жестко.

Вспышкой в памяти возник яркий осенний день. Один из многих в детстве. Млада была на ярмарке с родителями. Тогда было хорошо. Ароматными были лесные орешки в небольшом кулке, купленные за грош у лоточника. Улыбчивыми – люди вокруг. И сестра – совсем не вредной. Жизнь бурлила и обхватывала горячими объятиями. Солнце лило тепло на прилавки торговцев. Вдалеке шумела толпа, собравшаяся, видно, вокруг чего-то очень интересного. И Млада, позабыв про все вокруг, со всех ног поспешила увидеть диво, что привлекло столько народу.

В огромной клетке, которую перевозили два смурных вола, подергивая хвостом, сидел великолепный лесной кот. Конечно, обычным тощим и вечно блохастым, шныряющим по улицам котам было далеко до этого величественного зверя. В холке он был высотой с ребенка, под лоснящейся рябой шерстью перекатывались тугие мышцы. Иногда он вставал, ходил по кововой клетке кругами и басисто рычал на окруживший его народ. Люди восхищенно охали.

Сестра еще не успела продаться сквозь толпу, а Млада уже оказалась рядом с клеткой, никем не замеченная. Хотелось коснуться кота, провести по гладкой и наверняка мягкой шкуре. Но когда рукой она уже тронула прутья клетки, за запястье ее схватил один из охотников, изловивших зверя, а теперь выставляющих его за деньги зрителям.

– Ты с ума сошла, девочка? – казалось, он действительно испугался. – Этого зверя нельзя трогать, иначе останешься без руки. Хотя ты такая маленькая, что он без труда затащит тебя в клетку и сожрет целиком! Отойди! И где только твои родители ходят!

Млада смотрела на охотника полными слез глазами. Кот будто притягивал, и она не видела ничего страшного в том, чтобы его погладить. Уходя, она последний раз обернулась и

встретилась со зверем взглядом. В его глазах был такой же холод и превосходство, которые виделись сейчас на лице верега.

И он был так же притягателен и опасен.

Воевода махнул перед лицом Млады полотенцем и, когда она восторженно улыбнулась шире.

– Не проснулась еще? – он обтер шею и грудь. – Говорю, Хальвданом меня зовут. А ты можешь не представляться. Стражники от ворот меня едва отпустили – уж так о тебе рассказывали. Так рассказывали, что я чуть от восторга прямо на месте не помер.

– Что-то не похож ты, воевода, на того, кто едва не помер.

Хальвдан снова бросил полотенце на ограду и взял меч, повел могучими плечами, явно красуясь.

– Сочту за похвалу, – он подошел. Так близко, что это можно было бы посчитать угрожающим... или неприличным. – Уж справедливости ради, коли мне вчера не довелось оценить твои умения, предлагаю сейчас устроить небольшой поединок, – голос верега стал вкрадчивым, будто он не сразиться предлагал, а лечь к нему в постель.

Млада помолчала, чувствуя почему-то острую необходимость испытать его терпение.

– Можно и позабавиться. Я все равно хотела размяться.

Воевода прищурился.

– Позабавиться, говоришь? – в его устах это прозвучало совсем иначе. И по спине пробежал колющий холодок. – Пусть так.

Хальвдан сделал несколько шагов назад, не сводя с Млады насмешливого взгляда. Она тоже вынула меч, только мельком отметив, что сейчас оружие в руках вовсе не тренировочное. Но это показалось настолько незначительным, что даже глупо говорить.

В этот раз Млада напала первой. Верег рванулся навстречу и парировал легко и мощно. Тут же ушел в сторону. Разворот вслед за ним. Выпад. Неразбуженное тело отозвалось легкой вялостью. Воевода увернулся, отбил ее клинок небрежно, едва коснувшись. Как по носу щелкнул. Хорош. И ловок, зараза. Млада медленно вдохнула и больше в атаку бросаться не стала – тоже отступила. Кровь, разгоняясь, понеслась по телу. На миг стало жарко, словно в лицо плеснули горячей водой. Но тут же растревоженные после сна мышцы налились знакомой упругостью и силой. Стало спокойно и прохладно.

Хальвдан, мягко ступая, медленно обходил Младу поодаль. Оглядывал, будто приценивался, покачивал клинком. И вдруг сорвался с места. В несколько шагов настиг, ударил снизу вверх и закружил – только успевай отбиваться. Млада отступала и снова нападала, четко и уверенно парируя каждый удар. Руша защиту неожиданностью приемов. Верег пытался заманить ее в свой ритм, надо сказать, умело. Но она сопротивлялась. И уже чувствовала, что одерживает верх. Оборона верега наконец дала трещину.

Сильный удар по ногам – и небо с землей поменялись местами. Млада рухнула, как трава под косой. Клинок верега просвистел над ухом. Показалось, что даже волосы на виске колыхнулись. Утрамбованная земля была твердой, Млада еле убереглась от того, чтобы не приложиться затылком. И тут же откатилась в сторону.

Верег упал на колено. И с размаху воткнул клинок в то место, где она только что лежала. На добрую пядь воткнул – не поспешил.

Млада усомнилась на мгновение, что воевода в своем уме. Она вскочила и напала сбоку. Верег ловко отклонился. Развернулся, пригнувшись, и вдруг обхватил Младу поперек талии и снова повалил на землю. Широкой ладонью мягко придержал под спину, не давая удариться. Чем разозлил еще больше. Млада попыталась вывернуться, но воевода не пускал. Как жаркими тисками сдавил. До ушей донесся его тихий смех.

Млада с силой ударила Хальвдана оголовьем меча между лопаток, вырвалась и дотянулась до скрамасакса. Притворно охая, воевода привстал и замер: острый клинок уперся ему в щеку. Тут верег засмеялся в голос и поднял руки, оставив свой меч на земле.

– Ладно, я сдаюсь! Не могу сопротивляться, – он медленно отстранился, косясь на нож. – Если бы войска врагов состояли из таких воинов, я бы никогда не стал воеводой и десять лет назад послал бы Драгомира к бесам собачьим. Разве можно убивать такую красоту?

Воевода встал, отряхиваясь, и подал руку Младе. Она убрала меч и скрамасакс в ножны, недоверчиво глянула на протянутую ей ладонь, но все-таки приняла помощь. Но не успела еще подняться, как воевода сильно дернул ее на себя. А другой рукой попытался обхватить за талию. Девушка почувствовала запах пота, перемешанного с запахом кожи воеводы. Млада увернулась от объятий, но Хальвдан удержал ее. За кого он ее принимает? За дворовую девку? Свободной ладонью Млада тяжело хлестнула верега по лицу. Тот, не обратив на это никакого внимания, ухватил ее за второе запястье.

– Это даже приятно, – хрипло произнес он и усилил хватку.

Едва слышно скрипнула кожа перчаток. Хальвдан подался вперед, опустив ставшие почти черными глаза на губы Млады. И в то же время потянул к себе. В голову ударило жаром. Млада извернула ладони и, только почуяв слабинку, дернула руки из оставшихся в пальцах верега перчаток. Выхватила из ножен меч. Рукоять обожгла ладонь так, что потемнело в глазах.

Воевода качнулся назад и едко улыбнулся.

– Так вот каковы твои забавы, криг'хэrrэ. Прости, недопонял.

Млада вдруг почувствовала себя до невозможности глупо. Зарубить – не зарубит, конечно, но рука аж подрагивала от желания проучить наглого верега. На счастье, за спиной громыхнул ворчливый голос Бажана:

– Вижу, вы познакомились уже.

Оказывается, он стоял, облокотившись на ограду ристалища, и наблюдал за ними. Млада, только мельком глянув на него, снова убрала меч в ножны и отступила. Хальвдан с усмешкой вернул ей перчатки.

– Да уж, познакомились, – он поднял свой клинок и придирчиво его осмотрел.

– И размялись заодно... – продолжил бурчание Бажан. – Только ты, Хальвдан, похоже, забыл загодя размяться в другом месте.

– Пожалуй, ты прав, – скривился верег и провел пальцами по покрасневшей щеке. – Но все девушки спали, когда я вернулся. Не буду же я их будить: самый сладкий сон перед рассветом. Славного воина вы тут в дружину без меня взяли, – он кивнул на Младу. – Убила меня, я даже испугаться не успел!

Неслыханно! Он проиграл поединок из-за своей несерьезности, да еще и издевается! Шут гороховый! Остро захотелось съездить ему по второй щеке. Но, сдержавшись, Млада только невольно посмотрела на ладонь, еще горящую от соприкосновения с рукоятью меча. Никаких следов ожога не было, как всегда. Просто так меч забирает то, что причитается взамен на помощь в бою. Млада не хотела знать, что клинок заберет, стоит зазеваться. Она сжала и разжала пальцы.

Хальвдан, чуть склонив голову набок, еще раз внимательно посмотрел на нее. Млада ответила неподвижным тяжелым взглядом. Воевода хмыкнул. Надев рубаху, он прихватил пояс с ножнами и направился к замку. Бросил напоследок:

– Пойду кнеза проведаю... Он, наверное, меня видеть желает.

Бажан вздохнул и повернулся к Младе.

– Хороша... Ох, хороша – воеводе мечом грозить. Вылететь из детинца хочешь пинком? В первый же день.

– Руки не будет распускать.

– Проверял он, чего ты стоишь, – Бажан потер глаза. – Ну, и задница ему, может, твоя приглянулась. Не суть. Только с Хальвданом Снех'арреном лучше дружить. Не гляди, что он с виду москолуд⁶, каких поискать.

– Это ж как дружить с ним прикажешь, воевода? – Млада скрестила руки на груди.

– По щеке хлестануть было достаточно. Он к такому привыкший, – Бажан тихо хохотнул. Млада и сама невольно усмехнулась.

– Сделанного не воротишь.

– Это верно, – вздохнул воевода. – Только приглядываться к тебе Хальвдан теперь будет вдвойне внимательнее. И спуску не даст.

Бажан задумчиво обвел взглядом ристалища, где уже потихоньку собирались кмети. И вдруг развернулся и ушел. Млада подавила стон. Один воевода темнит. Второй теперь, глядишь, обиду затаил. Вот и начался день.

Ко всему прочему она как будто еще чувствовала пальцы Хальвдана на запястьях, и в воздухе будто до сих пор витал его запах. От этого на шее приятно поднимались волоски. Млада провела ладонью по лицу, отгоняя неуместные, давно позабытые ощущения.

«Ты – огонь и вода, ты – ветер и песок. Ты – стихия, которая ничего не чувствует, но знает тысячу способов убийства. Ты мертва, но нет никого живее и сильнее тебя. Помни это».

– Я помню... – одними губами произнесла Млада.

Она помнила все уроки Наставника и Ворона. И потому это пройдет. Нужно лишь привыкнуть.

Оказалось, заданием князя для Хальвдана было привести в дружину лучших воинов из Восточных сотен. Но поговаривали, мол, причина того, что князь отослал воеводу из детинца, совсем другая. Как бы то ни было, только прибывшие кмети наряду с остальными сейчас толклись во дворе, иногда уходили в кузню, видно, чтобы подобрать себе оружие, шумно знакомились с дружинниками и верегам. Те встречали их с заметной прохладцей во взглядах. Новичков оказалось не так и много – всего несколько десятков. Но целый день во дворе и на ристалищах царила легкая неразбериха, которую пытались унять мастера обучения и сотники.

Жизнь вокруг плескалась, как вода в бурной реке – Млада чувствовала себя врытым в землю камнем на ее пути. Она постоянно оказывалась не у дел. И в конце концов отчаялась переговорить хоть с кем-то из старшин, чтобы ее определили для обучения отроков. Тренировки вместе с другими кметями она считала бесполезными. Но от нее лишь отмахивались. А кто и посмеивался.

Млада молчала и терпела. А потом отправилась в дом, махнув на все рукой. Только не дошла.

Кто-то из верегов окликнул ее походя:

– Что же ты все мимо и мимо, криг'хэrrэ?

И Млада пошла бы себе дальше: подобные окрики приходилось слышать за сегодняшний день уже не раз. Но уж больно стало интересно, что значит то слово, которым ее называл утром Хальвдан, а вот теперь и этот верег. Она остановилась и повернулась к светло-русому парню, который тут же довольно усмехнулся. Он стоял, прислонившись спиной к стене дружинной избы, и шурился на солнце. Его голубые глаза казались невероятно яркими.

– Что это значит?

Верег приподнял брови.

– Что именно? – по-немерски он говорил не так чисто, как воевода, но уверенно и бегло. – Криг'хэrrэ? – Млада кивнула. Верег на мгновение задумался. – Воительница. Так у нас на Клипбьерне⁷ называют воительниц. И там их гораздо больше, чем здесь. Глядя на тебя, мне

⁶ Москолуд – шутник.

⁷ Клипбьерн (верегс.) – Медвежий утес.

даже вспоминается дом, – он снова улыбнулся. – Только косу бы тебе... посветлее. И погоду здесь похуже. На Клипбьерне, поди, дождями все залило.

– И хороши ваши воительницы в бою? – Млада просто дивилась своему любопытству. Но чем-то улыбочивый верег ее привлек.

– Не хуже некоторых мужчин, – пожал плечами парень и добавил чуть тише: – Но хуже, чем ты.

Он вдруг зажмурился и оглушительно чихнул.

– Будь здоров, Вагни, – издалека гаркнул Медведь. Такой же бодрый и бессовестно радостный, как всегда. Он подошел и встал рядом с Младой, кивнул на нее: – Что, первым делом решил ей голову заморочить? Не слыхал, как Хальвдан поутру схлопотал? Так же хочешь?

– А ты, Бьерн⁸, теперь в сторожевых псах ходишь? – верег ехидно изогнул губы. – Думается, она и сама за себя постоит, раз так.

Млада закатила глаза и пошла прочь. Еще не хватало оказаться посреди двух огней в тот момент, когда мужчины решили поспорить. А уж становиться причиной этого спора после неприятного сна да скверного знакомства с воеводой настроя и вовсе не было. Хоть самолюбие кого из девиц это могло и потешить. Она только услышала, как Вагни и Медведь ошарашенно замолчали за ее спиной.

Однако через мгновение тишина сменилась торопливым звуком шагов – кметь поспешил следом. Млада готова была зарычать от негодования. За эти пару дней Медведь, похоже, прочно уверился, что ей просто необходима его опека. Нет, разговаривать с ним душа никак не лежала.

Млада заозиралась в поисках спасения от вездесущего дружинника. На глаза попался только ближайший мастер обучения. Тот гневно покрикивал на крепкого, но малость неуклюжего отрока, который больше баловался и хитро поглядывал на стоящих вокруг собратьев, чем тренировался. Пару раз его сшибло с бревна тяжелым мешком, но он не унывал.

– От... раззява, – рявкнул мастер, проглотив более крепкое словцо, и покосился на Младу.

Она направилась к нему, на ходу придумывая, о чем бы поговорить, только Медведь догнал ее гораздо раньше.

– Чего хмурая ходишь весь день? – обезоруживающе улыбнулся он.

И как так умеет? Ведь прилипнет – убить хочется. А улыбнется – и кажется, что не так уж и надоед. Но Млада безжалостно задавила теплый проблеск и тоскливо глянула мимо.

– Спала паршиво.

– Бажан сегодня ходил, бухтел, что ты бездельничаешь, только слоняешься кругом, – Медведь загадочно усмехнулся. – Я еле отбил тебя. А то выволочку устроил бы – будь здоров.

Уж ворчание воеводы беспокоило меньше всего. Видно же, что без злобы бурчит, для порядка. А Медведь-то, похоже, гордится невесть как тем, что защищал ее весь день. Ну, дите. Хоть и косой сажени в плечах.

– И чего же Бажан мне это сам не сказал? Пережила бы. Выволочку-то.

– А оно тебе надо? – парень поскреб пальцами заросший подбородок. – С воеводами лишний раз пререкаться. Они, конечно, мужики толковые, но как вцепятся, бывает, так с мясом не отдерешь. Особенно Хальвдан. Этот вообще временами скотина порядочная. Бажан потише будет. Но тоже, как скажет – будто булавой саданет. А ты все ж девица.

Млада громко фыркнула. Усердствующий на ристалище отрок глянул на нее, пропустил удар мешком и снова сверзился в пыль. Мастер, уже не сдерживаясь, ядрено выругался.

⁸ Бьерн (верегс.) – Медведь.

– Девушка, а разделала тебя, хоть и турнирным мечом, – Млада склонилась к плечу Медведя.

Тот лукаво ухмыльнулся.

– А может, я поддавался.

Она промолчала. Поддавался, ну как же! И воевода нынче тоже, небось, поддавался. Только потели они оба при этом очень уж усердно. Кметь посмотрел, долго, тягуче, и вдруг придвинулся ближе, мягко провел ладонью по ее талии. Шустрый какой, руки бы оторвать до локтей! Но Млада не дернулась, не разразилась громким возмущением: просто отстранилась так, чтобы этого не заметили остальные.

Ни к чему шум поднимать.

Кметь напрягся, но виду постарался не подать, даже руку за спину убрал. А Младу уже подхватило волной подтачивающего ее весь день раздражения. Не остановить.

– У меня тоже вопрос к тебе есть, Медведь, – она холодно прищурилась, глядя на далекие заросли деревьев. – Чего ты хочешь от меня? А? Что ты обхаживаешь меня, как тетерева на току? Думаешь, забота мне твоя нужна? Сама с воеводами разберусь! И каждое их слово выслушаю, если на то надобность будет. А ты не лезь лучше, иначе огребешь похлеще Хальвдана. Я в другой раз плясать вокруг не буду – сразу коленом ударю, куда надо.

Медведь не ответил, только покраснел, будто на солнце перегрелся. Млада долго смотрела, ожидая, что он как-то оправдается. Даст повод позубоскалить, обидеть, уколоть сильнее. Чтобы ему стало так же паршиво. И злилась, распалялась его молчанием, упиваясь собственной не выплеснутой за день яростью. Но Медведь не проронил больше ни слова, будто принял любую вину, которую на него свесят. И в кого ж он такой терпеливый уродился?

Млада вздохнула, обогнула его и ушла, готовая дать по лицу каждому кметю, что косо на нее посмотрит или скажет еще хоть слово. Хватит с нее сегодня мужского внимания – как сговорились!

Но они не смотрели.

На душе было гадко.

Шум двора стих, когда она вошла в замок. Здесь было прохладно и почти ничего не видно после яркого осеннего солнца. Млада едва не на ощупь побрела по коридору, пока не пропали из глаз ослепительные пятна. Остановилась возле своей горницы, надеясь хоть там найти уединение. Но, к сожалению, изнутри слышались громкие всхлипывания и приглушенное бормотание. Млада чуть поразмыслила, стоит ли заходить, но все же толкнула дверь.

Внутри пахло травами. Тысячелетником и, кажется, мятой. Окна были скорбно занавешены, отчего в клетушке стоял плотный полумрак. Тем более что дело уже к закату. Младушка лежала, уткнувшись лицом в колени Раски, и ее плечи сотрясались от рыданий. Девчушка молча без остановки гладила женщину по голове, а в другой руке сжимала кружку с травяным отваром.

– Что произошло? – проходя мимо, бросила Млада.

Она не слишком-то хотела услышать ответ. Причины для слез у женщин находятся больно уж часто. Поругалась с кем из служанок, получила по шее от старших женщин за оплошность или безделье, потеряла любимую ленту – мало ли что могло произойти. К чему голосить так, что слышно снаружи?

– Хальвдан... – Младушка едва смогла прервать рыдания. – Не хочет больше... – и снова уткнулась в плечо Раски, и без того уже мокрую насквозь.

Млада поджала губы. Этого она почему-то не ожидала. По дому, конечно, ходили слухи о связи воеводы с Младушкой. И уж как бы мало Млада тут ни пробыла, а наслушалась их вдоволь. Особенно сегодня. Даже разок успела заметить Младушку, окрыленную и сияющую, с корзиной стиральной одежды во дворе. Но все это было настолько далеко от ее интереса, что в памяти не задержалось. Голову занимали совсем другие мысли.

Что ж, видно, сильно Хальвдану вышитая рубаха не по нраву оказалась, раз тут такой потоп.

Она обернулась. Раска только пожала плечами. Похоже, подробностей не дожидаться. Малуша слишком занята своим горем. Она как будто с наслаждением подвывала и шмыгала носом, нисколько не сбавляя громкости. Млада неспешно сняла оружие, подошла, схватила ее за локоть и рывком подняла на ноги.

– Пойди умойся!

Раска вскинула руку к губам. Малуша последний раз икнула и замолкла, уставившись в упор. Млада тряхнула ее, приводя в чувство. Женщина недоуменно моргнула, но все же пошевелилась и без возражений вышла из клетки.

Млада прошла по комнате, отдергивая с окон занавески, отобрала у Раски кружку и поставила ее на стол. А потом молча легла на свою лавку, закинув руку за голову. В тишине гораздо лучше.

– Хальвдан сегодня сказал Малуше, что больше не хочет с ней видаться, – не дожидаясь вопроса, выдохнула Раска. Хоть Млада и не собиралась больше ничего спрашивать. Она повернулась к девушке, и, встретившись с ее взглядом, та осеклась, понурилась.

Так, в молчании, они пробыли недолго. Млада, припоминая утреннюю встречу с воеводой на ристалище, вздохнула.

– Что ж она в нем нашла? – проговорила она тихо. – Убивается так, словно корову-кормилицу волки в лесу задрали. Не один, так другой найдется. Вон их сколько кругом ходит. Только и гляди, чтобы не спотыкаться.

Раска вскинула голову, немного подумала, теребя в пальцах поневу, и дернула плечом.

– Любит она его.

Любит... Да только Хальвдан не оценил ее любви. Сразу видно: хорош девицам под юбки лазить. Взгляд острый, цепляющий, почти колдовской. А голос рокошет – ну точно кот, как ни поверни. И опять же Бажан сказал... Да, пожалуй, такого любить – проще сразу на суку удавиться.

– Разве гоже служанке на воеводу заглядываться?

Раска невесело усмехнулась.

– Кто ж служанке запретит глядеть? Хоть на воеводу, хоть на князя самого? А у них это давно тянется. Ни шатко ни валко. Малушка-то, она вдовая, детишек двое... Я сопля была, поневы не носила, когда она здесь появилась да с Хальвданом повстречалась. При живом муже еще. А там муж-то ейный почил от лихоманки. Малуша будто рехнулась совсем, помешалась на воеводе. А он-то ходок знатный, – девушка вдруг зарделась. – Вот и завертелось. То там, то сям их вдвоем замечали за самым... гм... непотребным. Много-то о них не говорили, но князь все узнавал. Долго терпел, да не выдержал. А тут еще такое приключилось, что Малушка от воеводы понесла. Бабы наши старшие быстро знахарку притащили, чтобы дитя в ее чреве извести. Говорят, князь приказал. И Лерх, его лекарь, мог с тем управиться, но мараться не стал. Потом, как Малуша после выкидыша отошла, отослали ее к матери с детишками на время. А Хальвдан недавно уехал мужчин в дружину набирать. Вот так вот все обернулось.

Млада с ночного недосыпа почти задремала под рассказ Раски и не сразу заметила, что та замолчала. Не очень-то ей были интересны все эти истории про воеводу и его любовниц, но иногда лучше выслушать. Раз уж собеседник из нее плохой. Раске, похоже, то и надо было. Она совсем пригорюнилась над судьбой Малуши и даже сама начала тихо всхлипывать.

– Перестань! – рявкнула Млада и раздраженно села на постели.

– Да как же так-то? – промямлила Раска. – Как так можно? Она ж любит его...

Млада много нелестного могла бы рассказать девчонке о силе мужских привязанностей, но не успела. Вернулась Малуша. Лицо ее припухло от слез и покраснело, потеряв изрядную

долю привлекательности. Женщина взяла полотенце и стала вытираться. До слуха донеслись ее приглушенные слова:

– Небось, рада, что так вышло? – Малуша подняла взгляд, наобум швырнула полотенце в угол и шагнула к Младе. – Знаю я... Вижу. Глаз на моего мужчину положила? Утром кто с ним во дворе по земле в обнимку катался?

Млада усмехнулась и кашлянула, стараясь не показать Малуше, как сильно ей хочется расхохотаться прямо ей в лицо.

– Думала бы лучше, что болтаешь, – спокойно произнесла она, задавив в груди рвущийся наружу смех. – Я тебе не соперница и не за тем сюда пришла, чтобы замуж выскочить. Воеводу своего с потрохами можете скушать от большой любви. Или на куски порвать. Мне все едино.

– Врешь, гадина!

Млада не выдержала и встала. Малуша невольно отпрянула.

– Ой, не надо меня во вранье обвинять... Я на это дело жутко чувствительная.

Малуша все-таки сделала еще шаг к ней, но замерла в нерешительности. Наверняка прекрасно понимала, что, если затеет драку, не выйдет из нее победительницей. Млада бесстрастно наблюдала, как злобу на лице женщины сменяет сомнение. Раска зашевелилась на своем месте, решая, видно, стоит ли влезать. Но тут Малуша развернулась и раздосадованно выскочила из клетки.

– Вот зачем ты так? – Раска бросила на Младу взгляд, полный упрека, и вышла следом.

«Бесы бы вас драли, дурынды!» – тихо проговорила Млада и снова уселась на лавку.

Если так дело дальше пойдет, то недавний изматывающий путь до Кирията покажется великой благодатью. А уединенная жизнь – и того больше. Похоже, нигде в этом доме нельзя было спрятаться хоть на время. Потому Млада в горнице задерживаться не стала: чего доброго вернется Малуша с новыми глупыми обвинениями. Сложно придумать более скверное завершение не слишком-то удачного дня.

Она вернулась во двор и пошла дальше от дружинных изб, разглядывая землю под ногами, в очередной раз размышляя, правильно ли поступила, придя в Кирият. Ведь ей здесь не место, среди стольких людей, глядящих с интересом, а то и с дружелюбием на нее. На ту, которая только и заслужила за всю жизнь, что болтаться на шибенице. Но Млада твердила себе, что по-другому поступить не могла.

Погода стояла тихая, сонная. Небо заволакивало влажной дымкой. Казалось, воздух можно раздвинуть руками, до того он стал плотным к вечеру. К запаху пыльной, разогретой солнцем травы примешался еще один, чуть пряный. Приятный и домашний. Через мгновение он перекрыл другие; Млада подняла взгляд – она оказалась в том саду, что видела издали – и прошла дальше меж яблонь. Кудрявились поредевшие кроны над головой; отяжелевшие ветви клонились к земле. Тут и там слышался стук падающих яблок. Тени от еще не опавшей листвы скользили по лицу, чуть кривые стволы обступали кругом, словно приглядывались. Тонко и пронзительно пахло легкой сыростью. Сад был запущенным, заросшим лопухами и крапивой. Похоже, никто давным-давно сюда не заходил и яблок не собирал. Тишина, царящая здесь, навевала умиротворение и спокойствие. Растворялись в насыщенном, вязком воздухе остатки прошедшего сна.

Млада сорвала яблоко, обтерла о рукав и надкусила. Сладкое. Видно, нынешнее лето тут выдалось жарким. А сад большой и явно старше детинца. Наверное, помнит еще тех, кто жил на этом холме раньше. Он-то уж точно не забыл.

Медленно плутая между яблонь, Млада вышла на обширную поляну. И замерла, не сразу сбросив с себя задумчивость. А между тем место посередь сада нашлось занятное.

Окруженные невысоким бревенчатым забором, на поляне кругом стояли пять каменных идолов, в середине высился Триглав – самый громадный. Капище. Но сюда не вела даже жалкая заросшая тропинка. Неужто боги здесь забыты так же, как и яблоневый сад? Последние

рассеянные лучи солнца золотили верхушки истуканов, окутывая их головы мягким ореолом. Идолы еще не успели сильно зарастить мхом или просесть в землю: они были так же молодые, как и Кирият.

Млада, озираясь, догрызла яблоко и подошла ближе. Удивительно, но капище будто опутывали тонкие ветряные нити. Воздух, неподвижный в саду, здесь шевелился и тек. Как дыхание. Млада попробовала шагнуть в нарядные резные ворота, но будто невидимая рука толкнула ее в грудь. Достойна ли войти? По телу пронеслась легкая дрожь и покалывание. Млада на мгновение засомневалась, но, преодолев странное сопротивление, все же обошла капище, разглядывая каждого идола.

Их лики были высечены с мастерством и заботой, каменные глаза смотрели как живые. Здесь были и старцы с бородами, спускающимися до самой земли, и жутковатые звероподобные существа, и женщины с бесконечной мудростью на недвижных лицах. Но главными в Кириате почитали Перуна, Сварога и Святовита. Казалось, стоит пройти мимо, как они поворачиваются и провожают взглядами.

Но Млада давно не верила в богов, тропа к ним в душе заросла так же, как и тропа из детинца – сюда. И правильно – какой толк? Разве справедливые боги могли допустить гибель народа, который их чтил, возносил молитвы, приносил дары? Разве они могли допустить мучения, страх, слезы?

Богов нет, есть только люди... Жестокие твари, убивающие друг друга по своей прихоти. Из века в век, придумывая все новые способы. Своими или чужими руками. И руками Млады тоже. Много лет она смотрела на людскую ненависть, жадность, зависть. Пропиталась ими насквозь. Захлебнулась. Но продолжала убивать, не живя и не дыша больше, чем требуется. Так легче.

И странно, что именно на капище она почувствовала, насколько омертвела. Почти как эти истуканы.

Млада остановилась рядом с выбеленным солнцем жертвенным камнем. Похоже, он пустовал давно, только птицы, будто насмехаясь, оставляли на нем пятна испражнений. Триглав, огромный и хмурый, гневно смотрел на это безобразие, бессильный хотя бы отвернуться. Его застывшие серые лики почти кривились от немыслимого мучения и обиды. От его фигуры веяло тревогой и угрозой. Точно с жутким скрежетом он вот-вот поднимет руку и хватит кулаком по земле.

Безразлично смахнув с жертвенного камня случайную веточку, Млада поежилась, хоть вечер еще не растерял накопленное за день тепло. Девять пар глаз сверлили ее с высоты, вдавливали в землю. И почему-то здесь было не по себе. Как будто она лишняя и в этом застывшем в безвременье месте.

Млада подняла лицо к небу. Звезды уже пробивались сквозь лиловый закатный свет и кружились, словно подхваченные водоворотом; камни едва слышно пели на ветру, и яблони вокруг вторили их голосам. Все-таки странное место. Оно точно втягивало в себя, как зыбучие пески. Млада постепенно проваливалась в пустоту, черную и непроглядную. Пять существ приближались со всех сторон, молчаливо изучая человека, посмевшего нарушить их многолетний покой. Их лица не были добрыми, и Млада почувствовала себя виноватой в их недовольстве. Рядом стояли трое главных божеств. Их взгляды уперлись в спину холодными камнями.

Негромкий шорох травы под ногами неподалеку заставил развеваться липкое, тяжелое наваждение. Млада притаилась и плавно скользнула за одного из идолов. Прошла, по привычке прячась в тени, до забора. Снова прислушалась. Шаг легкий и неширокий. Скорее всего, девушка. Все же ходит кто-то на капище, возможно, даже просит о чем-то богов. Чудно. Млада осторожно выглянула, когда шаги затихли.

На залитой тускнеющим светом поляне стояла незнакомая девушка. И, наверное, только слепой не смог бы различить в ней знатности рода, к которому та принадлежала. Светлую кожу

будто выточенного из льда лица оттеняли темно-рыжие выющиеся волосы, распущенные и только от висков убранные к затылку. Можно было поклясться чем угодно, что девица-то тоже из верегов. Такой жестоко-холодной красоты в здешних землях не встретишь. Если только баба какая от северянина дочку не прижила.

Незнакомка постояла немного, покручивая в пальцах сорванный где-то сухой стебелек ковыля, и снова пошла к капищу. Зашелестело ее длинное, из плотного льна платье, которое касалось подолом земли и в зыбких сумерках казалось изумрудно-зеленым. У ворота и по краю рукавов оно было богато расшито золотой нитью. Не иначе привезенной из далекой Диархавены.

Млада продолжала таиться и перебирала в голове все, что ей правдами или неправдами удавалось выведывать в пути о князе и тех, кто его окружает. Некоторые – большей частью женщины – поговаривали что-то о девице, которую Драгомир якобы привез с Медвежьего утеса себе в жены. И, вестимо, это была дочка конунга – иная князю по роду не положена. И свадьбу сыграли, как боги заведали, а счастливой жизни у них не сложилось. И княгиней жена князя не стала.

Вот только, как зовут молодую женщину, Млада припомнить не могла. Важным ее имя тогда не показалось. Мало ли, с кем князь ложе делит.

И Млада уже хотела выйти навстречу – а то незнакомка испугается чего доброго, – но из тени яблоневого сада следом показался Хальвдан. Ноги будто приросли к земле. Воевода шел так же неспешно и ехидно разглядывал спину северянки. Та, видно, уже услышала его шаги, но оборачиваться не торопилась. Только напряглась едва заметно, приостановилась. И до капища не дошла.

Ругая на чем свет стоит обострившееся не ко времени любопытство, Млада прижалась спиной к забору. Поразмыслив, дернулась выйти, но снова замерла. Проклятье! Душу терзала злорадная удаль. А чего бы и не послушать, о чем говорить будут? Может, чего полезного в словах и сыщется.

– Геста! – протянул верег. – Давно я тебя не видал. Куда же ты пропала? – в его голосе слышалась насмешка.

Млада медленно выглянула, не опасаясь, что ее увидят. Уж научена от чужих глаз скрываться. А тут, в сумерках, чего проще. Воевода стоял перед Гестой, скрестив руки на груди, на его лице играла приветливая улыбка, но глаза сквозили холодом и неприязнью.

– Я тоже рада видеть тебя, Хальвдан, – тоном, от которого того и гляди покроется инеем трава, ответила жена князя. – Что ты тут делаешь? Думала, ты оставил своих богов на Севере, как и свой род. А ты, оказывается, тоже захаживаешь сюда. Уж сколько лет в Кириате живу – и не знала. Для чего? Просишь послать тебе в постель еще сотню девиц? Сам уже не справляешься?

Хальвдан скабречно усмехнулся. А в его глазах по-прежнему не мелькнуло и тени улыбки.

– С девицами я разберусь уж как-нибудь без их, – он кивнул на капище, – помощи. Просто хотел понаблюдать, как ты будешь молиться чужим богам о том, в чем тебе не смогли помочь наши... Любопытство меня взяло. – Воевода подошел к Гесте почти вплотную. Склонился с высоты своего роста и тронул ее за подбородок. Не ласково – требовательно. Та дернулась. – Ты же позволишь мне глянуть на это? В конце концов, я чуть не стал тебе родственником.

– Перебьешься... – выплюнула Геста и отошла подальше.

– Я все тешу себя надеждой, что вот проснусь однажды, а ты отчалила на Клипбьерн, – беззаботно продолжил Хальвдан, обходя северянку сбоку. – Но судьба, видать, много меня баловала, чтобы одарить еще и этим.

– Ох, договоришься ты, Хальвдан, – с угрозой процедила Геста, отбросив в сторону надоевшую травинку. – Несдобровать тебе, как только я стану княгиней...

Воевода прервал ее оскорбительно громким смехом. Геста вспыхнула и сжала маленькие кулачки. Воинственная, хоть, наверняка, и оружия-то ни разу в руках не держала. Что там Вагни говорил про северных женщин? Может, в каждой из них сидит криг'хэррэ.

– Ну, уж со мной ты можешь не притворяться, – Хальвдан наконец успокоился, – я прекрасно знаю все о тебе и твоих уловках, которые, впрочем, не сослужили пока хорошей службы. Драгомир что-то не торопится княжеский венец тебе на голову надевать. Сколько уж лет тебя в постель просто так таскает?.. Стар стал, не помню. Да ты другого и не заслуживаешь. И даже молитвы всем на свете богам не помогут тебе стать княгиней.

Геста молчала, и казалось, воздух сейчас треснет от напряжения, которое нарастало с каждым мгновением. Они не сводили друг с друга ненавидящих взглядов. Хальвдан нагло улыбался. Северянка мяла в пальцах ткань платья.

Млада почувствовала себя еще гаже, чем раньше. Подслушивала ведь сродни распоследней сплетнице в доме. И дернул ее бес здесь прятаться! Решительно, день не задался с самого утра.

Она вздохнула и, громко прокашлявшись, неспешно вышла к собеседникам.

Первым ее увидел воевода. А затем повернулась и Геста. На лице северянки промелькнул испуг, который тут же сменила гримаса недовольства. Полыхнули злобой глаза необычного янтарного цвета. Но Хальвдан не дал ей высказаться.

– Уж не знаю, чьих богов и благодарить! – он расплылся в улыбке и воздел глаза на ближайшего к нему истукана. – Я сегодня только и мечтал, чтобы снова тебя встретить... – показалось даже, что он сейчас разведет руки и кинется к Младе с объятиями. С него станется.

Она на всякий случай попятилась.

– Да ты рад каждой встречной-поперечной девице, – сочла нужным ядовито уточнить Геста. – Так что, деточка, на твоём месте я бы не обольщалась! Этот паскудник обесчестил здесь уже многих девиц, даже до моей служанки добрался.

– Надеюсь, ты не Тору имеешь в виду? – с притворным возмущением вскинул брови Хальвдан. – Как бы я женщин ни любил, а она все ж для меня старовата.

Геста прикусила губу, больше не в силах, видно, тягаться с верегом в словоблудии, и перевела взгляд на Младу. Та постаралась сделать отсутствующий вид. Северянка глубоко и медленно вздохнула и пошла обратно к дому. Только напоследок бросила на верега тяжелый, как пудовая гиря, взгляд.

Хальвдан некоторое время хмуро смотрел ей вслед, на щеках его ходили желваки. И он не шевелился, пока Геста не скрылась из виду. Млада стояла за его спиной, даже не зная, что и делать. Уйти тоже – так получится, что она постыдно сбежала, а ведь провинилась, надо признать. Остаться – придется объясняться с воеводой. И тут не вдруг решишь, что из этого хуже.

Верег наконец медленно развернулся к ней. Недавняя улыбка без следа исчезла с его губ. Сейчас они были твердо поджаты. Колющий взгляд ощупывал, будто пробовал на слабинку.

– Мало того, что подглядывать любишь, так теперь еще и подслушиваешь, значит, – угрожающе проговорил воевода. – Уж больно мне не верится, что ты под забором на капище задремала случайно. А тут вдруг проснулась, и в тебе разыгралась совесть.

– Может, и задремала. Тихо тут, хорошо.

Хальвдан усмехнулся одним уголком рта.

– А в горнице тебе спокойно не спится? Одно что на кнезову постель тебя не уложили – отдыхай сколь угодно. Тем более ты сегодня сильно-то не напрягалась. То в поварне пряталась, то на отроков из-за спин мастеров пялилась, то с Медведем судачила.

– И все-то ты знаешь, – ошетилилась Млада.

Разговор повернул в нехорошую сторону. А желания и сил сглаживать его, прикидываясь дурочкой, не было. Да и верег, судя по его мрачному виду, к тому не стремился.

– На то я тут и воевода.

– Воевода, – хохотнула Млада. – Ой ли! Отсюда не разобрать.

Хальвдан громко хмыкнул и глянул скорее удивленно, чем рассерженно. Младе стало жарко, когда она поняла, что ляпнула. Но еще не совсем сошла с нее сегодняшняя угрюмая злоба. Плеснула-таки напоследок.

– Это ничего не меняет, – воевода безразлично повел плечом и добавил задумчиво: – А ты, вижу, никому раньше не служила.

– Что с того?

Хальвдан сощурился, на этот раз не добро и даже не насмешливо.

– А иначе ты знала бы, что подобные слова могут дорого тебе обойтись. Я тебе не смерд, хлещущий брагу в харчевне. И то, что я сейчас стою тут и улыбаюсь, терплю твою наглость, вовсе не значит, что завтра ты не полетишь из детинца, как из пращи.

– Не твоя воля меня тут оставила, воевода, – прошипела Млада, шагнув к нему ближе.

– Слыхал я эту байку. Что сам кнез распорядился, – Хальвдан поднял руку и убрал со лба Млады прядь волос. Подавившись собственным вдохом, она отшатнулась. – Только коленки от того у меня не подкашиваются, и внутри не замирает. Уж прости.

– И все ж не тебе меня гнать. Смирись.

– Смелая, – понизив голос, почти шепнул воевода. – По полям-весям послонялась, кучку сброда шугнула пару раз – и возгордилась. Под ноги чаще поглядывай, а то так и споткнуться недолго. Вот я смотрю и все думаю, что ж в тебе кнез такого увидел, раз сразу в кмети принял? По мне – так обычная баба, хоть и драться на мечях умеешь неплохо... От работы отлыниваешь, подглядываешь и подслушиваешь при случае. Будто мало нам сплетниц. На твое счастье, кнез меня не спросил, принимать тебя в дружину или нет. А то ты бы уже дома у мамки сидела да грибы сушила над печкой. Или в поле снопы вязала. Чем там у вас занимаются...

Горечь поднялась в груди. А ведь почти утихла за день, сменившись обычным безразличием. Ни разу верег не оказался прав в своих догадках. Но как будто делал это нарочно, как будто знал, куда сегодня ее можно ударить.

– Да что ты знаешь о моей семье и моем доме, чтобы так говорить?

Млада отступила, вглядываясь в лицо Хальвдана, чужое, как и остальные здесь. И не понимала, чего ждет. Он молчал. На капище уже опускалась осенняя мгла, и на небо взбирался ущербный месяц стареющей луны. Смолкал едва различимый голос посада за близкой стеной детинца. Стало прохладно. А от недоверчивого, стылого взгляда воеводы делалось только хуже.

Она развернулась уходить.

– Правда твоя, – бросил в спину Хальвдан. – Я ничего не знаю. И знать-то не хочу. Надолго ты тут все равно не удержишься.

И то верно.

Глава 3

Возмездие от верега за неподобающий разговор на капище все же последовало, хоть Млада и надеялась, что тот окажется отходчивым и не злопамятным, как о нем и говорили. Но улыбочность Хальвдана была обманчивой, и уже на следующий день прозвучал приказ, переданный через сотника Навоя, отправляться на работы в конюшни. Причем занятие ей поручили самое что ни на есть распоганое: чистить денники. Зря, получается, Млада посмеивалась над мыслью, что ей придется это делать, чтобы примелькаться и заслужить расположение – так ведь и вышло.

Сероглазый сотник, передавая распоряжение воеводы, сочувственно улыбался. А конюшата встретили Младу с удивлением и долго еще потом перешептывались по углам, в чем это она успела так провиниться, чтобы ее отправили на самую грязную работу.

Млада задавила в себе первый порыв пойти к Хальвдану, дабы в крепких выражениях высказать ему все, что думает, и смиренно приняла наказание. И так уже наговорила лишка, следующая перепалка с воеводой и правда могла оказаться последней. Будто издеваясь, воевода даже зашел один раз, чтобы проведать своего жеребца, за которым конюхи ухаживали всегда очень внимательно. К Младе подходить не стал, только молча посмотрел издали, скормил коню соленую горбушку и удалился, не зная, с каким трудом она удержалась от того, чтобы воткнуть ему вилы прямо промеж синих глаз. Как она ни упала за два дня, а на это силы нашла бы.

И оставалось только гадать, как долго Младе придется убирать перемешанный с соломой навоз, если бы однажды вечером, возвращаясь в клеть, она не натолкнулась на одного из отроков. Тот налетел на нее из-за угла, едва не сбив с ног. Млада поймала мальчишку за шиворот и рванула к себе.

– Смотри, куда бежишь, иногда, а то так до Посвящения не доживешь! Расшибешь себе голову.

– Да тут такое, – выдохнул он, приглаживая растрепанные вихры. – Вельды опять объявились!

Млада подавила внутри волну отвращения только от одного упоминания ненавистного племени. Выпустила ворот отрока, но тот дальше не побежал – с важным видом ждал расспросов.

– И где?

– У тривичей, – степенно сообщил мальчишка. – В больше, чем двух сотнях верст на юго-запад от города. Два дня назад.

– А ты услышал где-то и тут же помчался трезвонить повсюду?

Отрок покраснел.

– Дык все равно все узнают. Князь и воеводы с сотниками с утра в чертоге сидят. Разговаривают.

Млада задумчиво глянула поверх его головы на башню. Парнишка чего-то ждал, нетерпеливо топчась на месте. Наконец он громко шмыгнул носом. Млада снова опустила на него взгляд и подтолкнула в плечо.

– Дык... Иди уже.

Отрок с готовностью побежал дальше. Млада, мысленно ворча на шептунчиков, повернула во двор. Там вроде было все как всегда, но как-то неуловимо... суматошно. Кмети всколыхнулись. Тут и там можно было видеть их, обсуждающих недавние вести. Но к ночи того же дня все как будто стихло, только вернувшиеся после разговора с князем сотники ходили мрачные, будто завтра уже в поход.

Млада чуяла: бесследно для дружины несчастье, свалившееся на тривичей, не пройдет. И верно: следующим утром началась подготовка и сборы кметей, которые должны были отправиться в разведку уже завтра. Когда успели их назначить – бес поймет. Как будто все было сделано тайком, с осторожностью и неохотой. А удивило больше всего то, что в поход вызвался Медведь. Сложно было найти более неподходящего дружинника для бесшумного и скрытного передвижения по лесу и вокруг лагеря вельдов, который и нужно было сыскать. Но, зная, воеводам виднее.

Трое кметей под надзором десятника Надежи сновали из дружинной избы до кузни, укладывали снаряжение в огромные заплечные мешки и седельные сумки. Делали все молча и четко. Остальные же поглядывали на них с опаской и уважением. С расспросами не приставали, не отвлекали по пустякам.

Млада тоже в их дела не совалась, наблюдала со стороны, а потом решила поступить по-своему. Все равно оставаться в детинце, когда вельды снова появились поблизости, она не сможет. Да и упускать случай показать себя с сильной стороны, когда с недавних пор холодный и вездливый взгляд Хальвдана преследовал ее едва ли не постоянно – очень неосмотрительно. Пусть верег уgomонится, побережет свои колкие придирки для других. Да и ей самой так будет лучше: наковырялась в грязи и вони – хватит.

Отыскать Бажана оказалось несложно: по всему видно, лишней работы и личного наставления кметей он не чурается. А потому во дворе мелькает частенько. Вот и теперь негромко, но твердо он отчитывал белобрысого и низкорослого, по сравнению с ним, отрока. А тот украдкой зыркал по сторонам, ища возможность поскорее улизнуть. Похоже, мальчишкам здесь достается больше всех.

– Здрав будь, воевода! – громко и отчетливо поздоровалась Млада, хотя видела воеводу за сегодняшней день уже не раз.

Тот обернулся с видимым неудовольствием и буркнул:

– Вот не до тебя сейчас, блоха. Шла бы лучше, работала, как Хальвдан приказал, раз уж не можешь заняться обучением этих балбесов, – он махнул рукой на отрока, выглядывающего из-за его спины.

– Поговорить нужно, воевода. А то несправедливость какая-то выходит.

Млада сделала знак мальчишке убираться с глаз долой. Того два раза просить не пришлось. Ловко он прошмыгнул между стеной избы и воеводой – и быстро затерялся среди собратьев. Бажан недовольно пробормотал что-то себе под нос, но возвращать беглеца не стал.

– Насчет несправедливости не скажу, а вот из тебя постоянно выходит неуместная для дружинника дерзость – это да, – снова повернулся воевода к Младе. – Может, Хальвдан не так уж и неправ насчет тебя? Может, зря князь-то сопротивляется – гнать тебя надо взашей отсюда?

– Подожди гнать, – повела плечом она. – Сама хочу уйти. В разведку с кметями.

Бажан плотно сомкнул губы и оглядел ее, как в первый раз. Но, видно, просьба его вовсе не удивила.

– Вот, значит, как... Сама пришла. А я уж думал посылать за тобой. Попозже, как с князем еще раз поговорю.

– И о чем же ты хотел с ним говорить? – Млада подошла ближе. Любит все-таки Бажан языком почесать.

– Новичку в разведке не место. Так уж заведено. Но я знаю, что ты там пригодишься больше остальных.

Млада приподняла брови. Ну, не на лбу же у нее это написано...

– А чего сразу в отряд не взяли?

– Драгомир Градиславич против. Да и перед такими походами кмети становятся даже суеверными. Ведь тебя тут по имени-то еще не каждый знает. Со своими им спокойнее, – рассудил воевода.

– Тогда чего вдруг ты решил за меня поручиться?

– Потому что я знаю, на что ты способна, – мрачно усмехнулся Бажан, с каждым словом все пристальнее вглядываясь в лицо Млады.

Она осеклась, потеряв мысль, которую только что хотела высказать в доверок. Догадка окатила с головы до ног холодной волной. Они с воеводой долго смотрели друг на друга, будто так можно было предугадать следующие слова или движение.

Наконец Бажан вздохнул.

– Я знаю, кто ты. Увидел почти сразу. И басни про то, что твой меч – подделка, можешь рассказывать кому угодно, но только не мне, – воевода замолчал, подождав, пока мимо пройдет кметь. – Признаюсь, я не хотел, чтобы ты оставалась здесь. Но также признаюсь, что владелица хадымского меча в дружине нам не будет лишней. С твоими умениями, с твоей жестокостью... А потому князю я ничего не сказал. Иначе узнай он, что среди его кметей затесалась арияш – и тебя повесили бы в тот же день.

– Если бы поймали.

– Верно.

Млада усмехнулась и медленно поправила перчатки, сплела и расплела пальцы, глядя мимо Бажана. Тот напряженно наблюдал за ней. Она не стала спорить и упорствовать в том, что к Гильдии арияш не принадлежит. Сразу видно: воевода знает, о чем говорит, а оправдания только усилят его подозрения. Хотя чего проще – избавиться от угрозы? Сделать так, чтобы воевода случайно вывалился из окна башни или сломал шею на лестнице. Но мысль о том, чтобы подстроить убийство ради себя, была даже не странной – запретной. И дело не в Кодексе. Тогда в чем? В последней надежде – на что?

– А за утайку с тебя самого потом шкуру не снимут? – нарушила она тугое, как бубен, молчание.

– Только не говори, что тебя тревожит моя судьба, – оскалился Бажан. – Таких, как ты, давно ничего не трогает.

– Наверное, ты прав, – пожала плечами Млада. – Но вдруг я пришла сюда, чтобы зарезать кого-то втихаря? И случись что, ты был бы виноват.

– Ты пришла сюда не за этим, – невозмутимо продолжил Бажан. – Иначе не надела бы оружие в открытую. Да и вообще тебя тут никто бы и не заметил.

Млада неспешно приблизилась еще:

– Вижу, ты тоже непрост, воевода... Много знаешь – откуда?

Он не шелохнулся, даже когда она положила ладонь на оголовье его меча.

– Пожил достаточно. Убийц навидался самых разных.

Скрывая неуместную улыбку, Млада отступила и озадаченно помяла переносицу. Этот разговор походил на какую-то игру. И постоянно норовил уйти в сторону, далекую от нужной.

– Что ж, твое прошлое – не моя забота, воевода. Вот только скажи: разве все дружинники, что тут живут, и ты, и Хальвдан – разве вы не наемные убийцы? Только вас всех нанял один человек. Вместо платы он предоставил вам кров, еду и постелил мягкую перину под названием честь и долг. Так что не надо кормить меня своим презрением: его я наелась вдоволь, и, будь уверен, меня оно совершенно не беспокоит.

Набежавшая от облака тень ушла – воевода прищурился от света, ударившего в глаза. А может, еще почему – не разберешь. Он недолго что-то обдумывал, потирая большим пальцем уголок рта, а затем тихо хмыкнул.

– Ладно, пойдем к князю.

По пути он махнул и Хальвдану, который неподалеку разговаривал с сотником Вагни. Берег перевел взгляд с Бажана на Младу и, криво улыбнувшись, пошел за ними. Вот уж только его не хватало... В полном молчании они прошли коридором до башни, поднялись по бесчисленным ступеням и остановились у толстой дубовой двери. В башне было прохладно и сумрачно – кроме нескольких факелов, мрак разгоняли только тонкие полосы дневного света, пробивающиеся в два узких окошка под сводом.

Бажан кивнул в ответ на приветствие стражников и толкнул дверь.

– Разговор к тебе есть, княже, – гаркнул он с порога.

Оказалось, князь не один. В светлице вместе с ним была Геста. Видно, она что-то ему говорила, а он только слушал, отвернувшись к большому окну, сквозь мутное стекло которого в комнату лился поток солнечных лучей. Вид у Драгомира был рассеянный, отчего становилось понятно, что разговор длится давно и князь успел погрузиться в свои мысли. Он неподвижным взглядом смотрел в одному ему видимую даль, но со стороны могло показаться, что следит за снующими во дворе кметями.

Млада выдержала недовольный взгляд Гесты и сдержанно, почти украдкой, осмотрелась в просторной светлице. Успела заметить, как скрылся в соседней комнатке русоволосый отрок, который выглянул оттуда только на миг. Князь обернулся с видимым облегчением на лице и тут же сделал знак жене выйти. Та насупилась, но и слова против не сказала. Только, уходя, грохнула дверью – будь здоров. Хальвдан поморщился, подошел к массивному столу, где аккуратной горкой лежали свитки да стояла пузатая чернильница с пером, и сел на стул с высокой резной спинкой. Бажан остался стоять. Млада тоже не двинулась с места.

– Столько гостей разом... – князь улыбнулся без тени укора. – И, кажется, я догадываюсь, о чем пойдет речь.

Драгомир остановил взгляд на Младе. В этот раз она почувствовала тепло и спокойствие. Как будто князь прямо-таки источал их. Никакого пытливого изучения – только легкий интерес, точно правитель привыкал к ней, как воин – к новому оружию.

– А вот я ума не приложу, – серьезно отозвался Хальвдан, но его глаза насмешливо прищурились.

Бажан пропустил мимо ушей его выпад.

– Млада хочет пойти в разведку.

Берег громко фыркнул, но Драгомир поднял руку, останавливая его.

– Ты же знаешь правила, Бажан. Новички в разведку не ходят. Да и девица...

– Я говорил ей то же. Но она настаивает. А раз так рвется в поход, неправильно было бы вдругорядь не спросить тебя, – Бажан помолчал и перевел взгляд на вереха. – И Хальвдана.

– Я по-прежнему против, – твердо произнес Драгомир. – Есть кмети, которые вызвались сами. Они подготовлены. Так чего воду баламутить? А Младе не мешало бы для начала здесь освоиться, а потом уже по княжеству разъезжать.

Воевода посмотрел на нее и развел руками, мол, сделал все, что мог.

– А по мне – пусть идет, – негромко возразил Хальвдан. Он обвел всех взглядом и продолжил: – Раз уж девчонка хочет показать, что не слабее других кметей, то пусть докажет это. Пробрется по лесу, минует вельдов, которые могут попасться на пути. Выцарапает собственный сапог из какого-нибудь болота. Вытерпит нападки и ворчание кметей – а они точно будут, потому что детинец детинцем, а за его воротами мужики перестают быть добрыми. Назвался груздем, как говорится... Пусть пройдет путь без нытья и вернется в целости – тогда я возьму все слова насчет нее обратно. И наказание отменю.

– Это не повод для шуток, Хальвдан, – князь присел на край стола. – Сам знаешь. Не очень-то у нас ладилось с разведкой все эти лета.

Млада насторожилась. Никаких разговоров о трудностях с разведкой слышать не приходилось. Либо князь сказал это нарочно, либо все хранится в тайне, что больше похоже на

правду. Потому как с чего князю излишне о ней заботиться? Не в ворчании же кметей причина, в самом деле.

– Всегда может что-то измениться. И разве столь занятный дружинник – не повод для исключения? – верег скрестил руки на груди. – Ты же утверждаешь, что справишься, Млада. Так?

Она кивнула. Хальвдан указал на нее ладонью, выразительно глянув на Драгомира. Но тот и бровью не повел.

Откажет. Как пить дать.

– Я справлюсь, княже, – Млада не стала дожидаться, пока ей позволят сказать хоть слово. – Я... знаю эти места. Знаю, где находится деревня тривичей, знаю, где протекает река и прячется озеро в лесу. Мне приходилось бывать в пути много суток. Даже без еды и воды. Спать на голой земле. Я умею... прятаться, убегать и убивать. Чего мне еще не хватает, чтобы пойти на поиски вельдов?

С лица верега сползла ехидная улыбка, а князь помрачнел еще больше. Бажан рядом рассерженно засопел.

– Ты твердо решила? – бесцветно и, видно, в последний раз уточнил Драгомир.

– Да.

– Пусть идет вместо Медведя, – добавил Хальвдан и поднялся. – Резона спорить дальше я не вижу.

– Раз уж ты, Бажан, привел Младу сюда, то расскажешь ей о всех задачах, – Драгомир подошел к воеводе и уверенно посмотрел в его глаза. Показалось, что этим он сказал гораздо больше, чем словами. – Или поручи Надеже. Главное, чтобы она не пошла в поход вслепую. И предупреди кметей... Пусть не задируются.

Тот кивнул и вышел за уже нетерпеливо приоткрывшим дверь Хальвданом, Млада поспешила следом. Верег тут же обогнал их и скрылся из виду, бросив мимолетный взгляд. А Бажан с Младой больше и словом не обмолвился – довел ее до дружинной избы, передал с рук на руки кудрявому, кареглазому десятнику Надеже, а сам подозвал к себе Медведя и о чем-то долго с ним говорил на улице. Но в открытую дверь их было видно.

– Так, значит, ты с нами идешь? – Надежа недоверчиво оглядел Младу. Она не ответила. Десятник хмыкнул. – Суть очень проста. Выезжаем завтра на рассвете. Останавливаемся в гостинных избах у Рысей, а южнее – у тривичей. Расспрашиваем деревенских, которые пострадали от набега последний раз – и отправляемся искать лагерь вельдов. Идем тихо и скрытно. Стараемся взять языка. Все как всегда. Ясно?

– Куда уж яснее, – согласилась Млада, не сводя взгляда с Медведя, который хмурился все сильнее с каждым словом Бажана. Она почему-то чувствовала за собой вину.

– Тогда, – задумчиво проговорил Надежа, огляделся и сунул ей в руки большой заплочный мешок, вытряхнув из него какое-то тряпье, – собирай вещи. Ты ж наверняка знаешь, что нужно взять. Припасы заберем с утра – в поварне подготовят.

Млада развернула необъятный мешок и глянула вслед уходящему десятнику. Сразу видно: поблажек тот делать не будет, но и хамить не станет. Так и должно быть. С такими путешествовать проще. Она осмотрела полутемную дружинную избу с рядами широких лавок, пустующую в разгар дня. Усмехнулась своим мыслям, на мгновение почувствовав себя частью этого сурового, пропитанного крепким мужским запахом мирка.

Что ж, все складывается не так уж и плохо.

* * *

Утро выдалось хмурым. Ночью прошла гроза – и вдалеке над лугами сине-серыми нитями еще висела хлябь. Пахло сыростью и свежестью. Во дворе расплылись лужи. Сидя на

лавке у конюшен, Млада еще раз проверила дорожный мешок: плотное покрывало для ночевки в лесу, промасленный плащ на случай непогоды, завернутое в ткань огниво. Завязала крепче узелок на свертке с вяленным мясом и хлебом, переложила ближе ко дну запасной мех с водой, хоть на всем пути и будут встречаться колодцы. И только затянув лямки мешка, коснулась спрятанного в сапоге охотничьего ножа с резной костяной рукоятью. Его еще вечером отдал ей Медведь, сказав обыденное: «Будь осторожна».

Никогда еще за эти шесть дней не доводилось видеть его таким подавленным. И казалось, он по-прежнему не обижается, не таит злобы. Однако во двор утром не вышел, хоть здесь уже толпились решившие проводить разведчиков в путь кмети. Млада сидела в стороне, не желая участвовать в этом натянутом веселье. Потому как сразу видно: хорошего исхода разведки здесь уже не ждут. С трудом удалось вывести накануне, что, оказывается, каждый раз, когда неуловимые вельды появлялись на землях княжества, по их следам отправлялись охотники из местных сотен. Но поймать не удавалось никого. Очередная неудача деревенских стала последней каплей, и князь решил отправить в разведку кметей.

Еще о чем-то дружинники молчали. Но не пытаться же их, в конце концов.

Конюхи вывели лошадей. Младе достался со всем тщанием подобранный для нее буланый мерин по кличке Янтарь. Вечером, прогулявшись до сада и сорвав несколько яблок, она ходила к нему знакомиться. Конь поначалу недоверчиво косился и крутил ушами, но только учуяв запах лакомства, подобрел. И сегодня уже панибратски тыкался мордой Младе в плечо и шарил губами по подставленной ладони.

Кмети вскочили в седла. Подошел Бажан и напоследок коротко сказал что-то Надеже. Тот кивнул и махнул остальным рукой.

Выдвинулись.

Посад просыпался лениво – видно, сказывалась сонная погода. Уже вышедшие на улицы люди внимательно провожали всадников взглядами. За городскими воротами бойкий сырой ветер тут же едва не выдернул из седла. Вспаханные на зиму нивы чернели набухшей после грозы землей. Полоса чистого неба становилась уже: с севера ее теснили мрачные серые тучи.

Кутаясь в плащи, открытую часть Южного тракта до развилки минули бодрой рысью. Воздух наполнила сначала легкая изморось, а затем начал накрапывать дождь. Но, спрятавшись под ненадежным пологом леса, мужчины пустили коней спокойным шагом, будто торопиться куда-либо тут же перестали. Млада долго терпела мешкотное шествие, разглядывая прямые спины спутников.

Кроме десятника, в поход отправился Галаш – долговязый, но крепкий, как ясеневый прут. Супротив сдержанного и молчаливого Надежи он выглядел говорливым и звонким. Вооружен он был клееным тисовым луком. А кроме того – боевым топором в чехле на поясе и ножом с другого боку. Но по его глазам, внимательным и хитроватым, все одно видно: стрелок. Третьим же оказался Невер. О нем Млада ничего припомнить не могла и разгадать его – тоже. В тихом разговоре Надежи и Галаша он участвовал вяло – больше присматривался, даже несколько раз обернулся на Младу. И то и дело касался ладонью оголовья висящего на поясе чекана.

Почувствовав, как тяжелый от влаги воздух придавливает ее к седлу, а размеренное покачивание спины коня вгоняет в сон, Млада нетерпеливо окликнула кметей:

– Может, побыстрее поедем? Не на прогулку вроде как вышли. Или нравится под дождем киснуть?

Надежа неохотно повернулся и глянул не слишком-то добро. Но смолчал. А вот Галаш мгновенно взвился:

– Еще баба нами тут не распоряжалась! Мы обузу с собой в путь не просили.

Млада спокойно смерила его взглядом. Выходит, верно Хальвдан сказал, не ехидничал попусту. Шутки в ее сторону отвешивать и улыбаться – на это кмети только в детинце и способны? А как в поход с ними собралась, так сразу в бабу и обузу превратилась.

Пока она раздумывала, стоит ли связываться, Галаш остановил коня, преграждая ей путь. Млада натянула поводья, Янтарь встал, дернув головой, переступил с ноги на ногу, настороженно поворачивая уши. Чует нарастающее напряжение – его не обманешь.

– Вот мне интересно, – помолчав, медленно произнес Галаш, – как ты так князя уговорила, чтобы он тебя вместо Медведя с нами отправил? Это, наверное, ваши бабьи штучки... Долго его ночью ублажала? – он насмешливо переглянулся с Надежей, а тот, будто чего-то выжидая, останавливать его не стал. Невер же только возвел глаза к небу и отвернулся.

Млада натянуто улыбнулась, подъехала к Галашу еще чуть ближе и наклонилась вперед.

– Могу и тебя приласкать. Хочешь? – прошептала она медово, от чего кметь самодовольно ухмыльнулся, а Надежа с Невером удивленно обменялись взглядами.

– Может, хочу, – произнес Галаш тихо, наклоняясь ей навстречу.

– А выдержишь? Мои ласки-то?

Млада провела ладонью по бедру и опустила ее на рукоять закрепленного у седла меча. Кметь проследил за ее движением, выпрямился и замер, поглядывая на товарищей, показалось, чуть беспомощно. И сам невольно потянулся к висящему на поясе ножу. Янтарь беспокойно дернулся в сторону.

– Ты мне своими побрякушками не угрожай, – осклабился Галаш.

– А ты следи за своим поганым языком, – негромко процедила Млада, обведя пальцем навершие рукояти. – Я ведь не холопка какая – за себя постоять сумею! Быстро узнаешь, насколько остры мои побрякушки.

Галаш еще раз глянул на ее чуть выставленный из ножен меч. Тот поблескивал в тени деревьев холодным серебром, и от него явственно веяло смертью. Млада надеялась, что Галаш это чувствует. И продолжала удерживать на губах чуть подрагивающую от напряжения улыбку.

В воздухе застыло гнетущее молчание. Только тихо шуршал нудный дождь по еще оставшейся на ветвях осин и берез листве. Вдалеке громыхало. Тут Надежа громко и протяжно вздохнул, едва не заставив всех вздрогнуть.

– Полаялись – и будя, – веско проговорил он. – А ты, Галаш, и правда в следующий раз думай, прежде чем рот раскрывать. Млада все ж таки тоже кметь. Сражаться нам еще плечом к плечу, а вы тут вздумали грызться, как дворовые псы.

И чего только ждал? То ли Младу проучить хотел, то ли Галаша. Невер за его плечом одобрительно кивнул и с готовностью подобрал повод коня. Млада помедлила еще мгновение и убрала меч. Галаш только поморщился на слова десятника и резко вытер выступивший на лбу пот.

Надежа развернул коня, и все последовали за ним. Теперь поехали быстрее.

Тем более погода с каждым мигом подгоняла все сильней. Ветер разошелся, зашумел, засыпая путников сорванной листвой. Расчерченное паутиной ветвей небо совсем потемнело. То и дело после ярких вспышек молний на землю обрушивались сотрясающие все вокруг раскаты грома. Кони волновались.

Непроглядная стена ливня настигла со спины. Точно льняной платок, промок плащ. А за ним и рубаха. Земля под копытами коня окончательно раскисла, превратившись в одну сплошную грязевую лужу. Янтарь постоянно поскальзывался, качался из стороны в сторону; от стараний удержаться в седле у Млады немели ноги. Кмети то и дело поругивались на потерявших твердый шаг коней.

Гроза прошла, полыхнув напоследок молниями на западе, но дождь униматься никак не хотел. Вода заливала глаза, стекала за шиворот. Млада сильнее сжимала зубы, пытаясь не думать о том, как противно липнет к телу одежда.

– Бесы бы побрали этот дождь! – не выдержав, воскликнул Галаш, и раскат грома в отдалении заглушил его слова.

Его конь, вконец измученный понуканиями, всхрапнул и, выпучив глаза, рванулся вбок, взбрыкнув задними ногами. Галаш покачнулся, выпустил поводья и рухнул на землю, разбрызгав во все стороны жидкую мешанину из листьев, травы и грязи. Невер, до этого сохранявший отрешенное молчание, прыснул, и через мгновение они с Надежей разразились неудержимым хохотом. Млада, глянув на развеселившихся дружинников, молча спустилась с коня, подошла к Галашу и протянула ему руку. Тот скривился, но помочь позволил.

– Вам бы все веселиться, – буркнул он, пытаясь стряхнуть с одежды налипшую грязь. – Спасибо, Млада!

– Да ладно ты, брось! Ну не удержались... – пожал плечами десятник. – Этак мы рискуем не дойти до деревни и завязнуть где-нибудь в грязи.

Галаш ничего не ответил, взгромоздился на коня, всем видом показывая, что больше обсуждать это не намерен.

На счастье, дождь все же стих, но, когда это произошло, уже стемнело. Скоро впереди проступили дома первой деревни Рысей – Беглицы. Чтобы добраться до погоста, нужно было проехать через нее насквозь. Но князем было поручено по пути навестить старосту.

Солидная, на многолюдную семью, изба Ратибора стояла перед небольшой площадью с деревянным помостом – там, видно, проводили вече. Надежа спешил первым, ведя коня в поводу, подошел к невысоким воротам и несколько раз ударил в них увесистым кулаком. Во дворе басисто залаяла собака. Послышались хлюпающие по сырой земле шаги, и створка скупно приоткрылась. В образовавшейся щели появилась половина хмурого лица. Казавшийся в полумраке черным глаз внимательно оглядел десятника:

– Чего надобно на ночь глядя?

Надежа с Галашем переглянулись.

– Мы дружинники. У князя со старостой уговор был, что мы можем остановиться на вашем погосте, – десятник говорил отчетливо и благожелательно, хоть и чувствовалось в его тоне едва сдерживаемое напряжение.

– Впусти их! – раздался за спиной открывшего ворота парня раскатистый голос. – Ко мне это пришли! Неча в такую собачью погоду людей на улице держать!

Створка открылась шире, и вперед вышел приземистый, но внушительный мужчина. Проницательно он оглядывал гостей и по-отечески тепло улыбался. Рядом с Ратибором стоял молодой видный парень, но до странности на него непохожий. Хоть по всему и сын его. Староста чуть задержал взгляд на Младе, но на его лице не отразилось ни капли удивления.

– Здрав будь, Ратибор! – устало, но твердо поздоровался Надежа.

Тот жестом пригласил всех войти.

– До гостиных изб мы вас проводим, только уж побудьте у меня. Подкрепитесь с дороги.

В избе было тепло и сухо. Терялись в полумраке немного закопченные стены. Тихо потрескивал огонь в укрепленной глиной печи-каменке.

Вокруг гостей, накрывая на стол, суежилась миловидная жена старосты Переслава. Сразу стало видно, на кого похож Ждан – старший сын Ратибора, встретивший их первым. Те же болотного цвета глаза, те же губы и длинноватый нос. Переслава выглядела молодо. В волосах – не единого намека на седину, и кожа сияла свежестью. Возраст выдавал лишь взгляд, наполненный тревогой, будто все собравшиеся были ее детьми, и она не хотела никого обделить заботой.

Млада же все это время чувствовала, как Ждан смотрит на нее с любопытством – да что уж скрывать, он почти бессовестно ее разглядывал. И хоть в его глазах не было откровенного неодобрения, но все равно хотелось поежиться. Для молодого парня Ждан был уж чересчур серьезен, даже хмур. Он изучал кметей с потаенной грустью и в то же время – с холодностью.

Пока Переслава не скрылась в отделенной тонкой стенкой части избы, никто из мужчин не произнес и слова. Но только гости успели попробовать мясной похлебки и свежего хлеба, как Ратибор разлепил губы:

– Значит, вельдов искать станете?

Его голос кольнул недоверчивостью. Ждан тихо хмыкнул, но получив от отца укоризненный взгляд, уткнулся в свою миску. Видно, деревенские-то много знают о неудачах предыдущих разведчиков.

– Станем, – вздохнув, отозвался Надежа. Похоже, сейчас ему не хотелось шевелить даже языком. – На тривичей они недавно налетели. Слыхали, небось?

– А то ж. Слыхали, – качнул головой староста. – Давно их не было, поганей.

Млада медленно опустила ложку в пустую миску и подняла на него взгляд:

– Никто из Рысей не видал вельдов в этих местах?

Надежа недовольно глянул на нее, и пнул под столом ногой: мол, нельзя девке влезать в мужской разговор. Млада за это с радостью отвесила бы ему оплеуху, но сдержалась – только сомкнула перед собой на столе пальцы в замок. Ратибор поразмыслил немного, покручивая кончик бороды.

– Родич из Малохи сказывал, что как будто видал вельдов, – проговорил он наконец. Ждан кивнул на его слова. – Он ходил на лося в сторону озера – там их и повстречал. Еле ноги унес – не до охоты стало. Их было много: дюжины три или больше. И шли они как будто на запад. Но наших деревень не трогали.

Что ж, все говорило о том, что вельды расположились где-то неподалеку от отрогов Холодного гребня. Близко к нему не прижмутся – иначе могут оказаться в ловушке, а значит, ходу до их лагеря дней пять верхом. Но если придется оставлять коней у тривичей, то может и на шесть растянуться.

Перебирая в голове мысли о вельдах, Млада краем уха слушала разговор мужчин, хоть больше ничего полезного староста рассказать не смог. Она совсем уже отогрелась, даже сапоги стали подсыхать. Пахло влажной тканью плащей, которые сушились у печи. Младу явственно тянуло в сон. Пытаясь сморгнуть навалившуюся на веки тяжесть, она отвернулась и заметила, как из-за стенки, закрывающей южный угол избы, выглядывает светловолосый мальчонка, зим пяти от роду. Засунув большой палец в рот от любопытства, он неотрывно смотрел на Галаша, сидящего к нему ближе всех. Вряд ли малыш понимал, о чем ведут речь суровые на вид мужи, но все его лицо настолько светилось восхищением, что губы Млады невольно расплылись в улыбке. Мальчик перевел на нее взгляд и тут же спрятался. Впрочем, вскоре снова показался из укрытия. Послышался нарочито строгий голос Переславы: «Не мешай. Пойдем – спать пора!» – и мальчик юркнул обратно.

Показалось даже, что малыша не было вовсе – это память подложила образы из прошлого. Возможно, когда-то в детстве Млада дружила с таким вот мальчиком, а потом он погиб вместе со своими родителями, и сейчас уже не вспомнить его лица. Она много что забыла из того дня, долгие лета отгоняя воспоминания, приносящие боль. Только они снова выползали из самых дальних уголков, словно призраки зыбкой, как лихорадочный бред, прошлой жизни.

Млада устало закрыла глаза.

Ратибор, заметив это, опустил ладони на стол и поднялся.

– Кажется, пора отдохнуть с дороги. Ждан проводит – тут недалеко.

Парни засобирались вяло, не торопясь покидать натопленную избу. Но и на том спасибо, что пустили под крышу и накормили с дороги.

Пока кмети возились, толкались в сених, Ратибор подошел к Младе:

– Как же ты в дружину-то попала? – его тихий вопрос не услышал больше никто.

Мудрые глаза Ратибора светились участием и он, казалось, сейчас готов был принять любую жалостливую историю. А их за время скитаний было выдуманно порядочно. Млада давно

уже научилась кормить ими излишне любопытных слушателей, хоть чаще предпочитала молчать.

– По собственной воле пришла, – уклончиво ответила она, решив, что вливать в уши Ратибору одну из выдумок будет нечестно и невежливо.

– Что ж за нужда такая молодой девушке идти на военную службу? – Ратибор подал ей брошенный по приходе на пол заплечный мешок. – Женщина должна семью создавать, хранить очаг, а не выполнять мужскую работу. А мужчина должен заботиться о ней, защищать и оберегать...

– Так уж получилось, что я обучалась владению оружием с детства. Теперь, как ни крути, вся моя жизнь с этим повязана.

Млада на миг задумалась над своими словами. И правда: теперь она не могла представить для себя другой жизни. А и была ли она когда-нибудь, другая жизнь, или то был лишь сон, подробности которого стираются из памяти со временем? Каких бы ужасных дел она ни творила, а отмахнуться от них уже никогда не удастся – слишком глубокий след оставлен.

Ратибор вздохнул.

Кмети выводили на улицу коней.

– Что ж за времена у нас такие, что даже девица оружие в руки взяла... – размеренно проговорил староста. – Сын мой вот тоже все рвется к князю на службу. Даже приходилось его запирать, чтобы не убежал. Мне удалось убедить его в том, что здесь он нужнее. Да и род такого рвения не одобрит. И без крепких сыновей сейчас никак – время больно беспокойное.

– Думаю, у твоего сына достанет благоразумия послушать вас.

Повисло молчание. Каждый задумался о своем. Надежда махнул Младе, и она, коротко кивнув старосте, пошла за кметями. Под ногами расползалась грязь. Лениво побрекивали собаки за заборами. Ждан шел неподалеку, неся в руке факел.

Едва передвигая ноги от усталости, они дошли до коновязи гостиных изб, расположили лошадей. В одном из длинных домов, где обычно останавливались княжьи люди, собирающие дань, и проезжие купцы, разожгли очаг. Здесь оказалось не так уютно, как у старосты. Сразу видно: проходное жилище. Едва раздевшись и развесив вещи сушиться, кмети повалились на застеленные к их приезду лавки и уснули.

Млада еще немного посидела в тишине, почему-то размышляя о Ратиборе и его сыне. Недаром во взгляде парня чудилась странная враждебность: похоже, давно он винит отца в том, что его не пускают в дружину. Но против рода в таких огромных племенах, расселившихся на обширных землях, не пойдешь.

Помнится, Млада в свое время бросила все и ушла. Бросила дом, почти ставший ей родным, и семью, любившую ее. Пошла по велению сердца и совести за человеком, которого совсем не знала, но в котором чувствовала необыкновенную силу. И она хотела, чтобы он поделился этой силой с ней. Но через много лет он ушел, оставив ее одну в растерянности и страхе.

Млада тряхнула головой, отгоняя неуместные воспоминания. Однажды она научилась не думать о том, что было когда-то, а теперь что ни день – то новая попытка. Лучше было бы вообще ничего не помнить...

Глава 4

Березняк, серый в свете пасмурного утра, пах горечью мокрой пожухлой травы. Вдалеке призывно свистели иволги. С ветвей сыпались остатки прошедшего ночью дождя. Янтарь недовольно мотнул головой, когда его забрызгало очередным ворохом капель. Млада успокаивающе похлопала мерина по шее и поежилась: вдоль тропы проскользнул порыв ветра, загнал под одежду сырость.

Во время ночевки на нынешнем погосте сапоги так и не успели хорошо просохнуть. Ладно хоть заскорузлый плащ из рогоза надежно защищал от оседающей на плечах измороси. Она теперь была постоянной. Ни разу с того момента, когда отряд выехал из Беглицы, небо не прояснилось. Только рыхлая хмарь тянулась над лесом без конца и без края и заканчиваться не обещала.

Все всадники, как один, уже впали было в полудремоту, когда позади, нарастая, раздался стук копыт. Кто-то то ли торопился по своим делам, то ли спешил нагнать их. Надежа обернулся первым, а за ним остальные.

Беспощадно понукая кряжистую пегую лошадь, по тропе мчался сын старосты Ждан. Лицо его блестело от влаги, он часто моргал и щурился, пытаясь сквозь размытую пелену мороси разглядеть что-то впереди себя. Его волосы давно уже намокли и облепили голову, но слетевший капюшон поправить он и не пытался.

Десятник дал отряду знак остановиться. Ждан поравнялся с ним и приветствовал всех коротким кивком.

– Что-то случилось? – Надежа неспешно оглядел его.

– Нет, – выдохнул сын старосты. – Я просто боялся вас не нагнать.

Млада переглянулась с Невером – тот пожал плечами.

– Говори яснее, зачем гнался за нами, – раздраженно покривился десятник.

– Хочу с вами поехать и вступить в дружину.

Такая простота ответа заставила Галаша громко хмыкнуть, а Надежу удивленно поднять брови. Млада и Невер остались безучастными. И так понятно, что молодчик сморозил глупость. Мало того что десятник не имел права принимать никого в дружину, так еще и время, чтобы прибиться к отряду, Ждан выбрал самое неподходящее. Кому он нужен, в разведке-то?

– Эт ты хватил... – протянул Надежа. – Брагу у отца накануне тырил, что ль? С чего тебе привиделось, что мы тебя в дружину можем взять? Даже если бы я и хотел, лишний человек нам сейчас очень некстати.

– Я помочь могу чем. Места здешние знаю и в лесу ночевал, охотился много раз... – торопливо продолжил Ждан. – А с вами мне в дружину проще будет-то...

Надежа улыбнулся и посмотрел на Невера.

– Слышь, Невер. Мальчишка-то на твое место метит. Говорит, земли знает... Чего доброго, тропы еще.

– Да слышал я, – безразлично отозвался кметь и сплюнул на землю.

Взгляд Ждана становился все более отчаянным. Знать, сложно было момент выгадать, чтобы уликнуть из-под отцовского надзора. А теперь точно придется возвращаться.

– Ехал бы ты обратно, – негромко проговорила Млада. – Мать волноваться будет. Ратибор выпорет, коль прознает. А так, может, отговоришься.

Парни тихо загоготали. А Ждан только вперился тяжело и враждебно, будто она и только она была виновата в его бедах. Знать, вдвойне обидно крепкому парню, что девица-то в дружине, а от него нос воротят, как от немошного какого.

– Ты ее послушай, – согласился Надежа. – А коли так в дружину охота, так езжай в Кирият, к воеводам. Они на тебя посмотрят да и решат, годишься или нет. А я воли не имею тебя в кмети брать.

– Правду сказать, нужен ты нам, как собаке второй хвост, – высказался наконец Галаш. – Удумал тож!

Десятник поднял руку, останавливая кмета, уже готового излиться потоком насмешек. Ждан опустил голову, раздумывая.

– Все равно за вами поеду, – пробурчал он.

– А поедешь, – уже не так добро ответил Надежа, – я тебя сам за шкурку поймаю и выпорю. Тогда уж точно о дружине можешь позабыть, если под ногами станешь путаться! Увижу хоть тень твою – прощайся со шкурой на спине.

Ждан зло шмыгнул носом, не поднимая взгляда. Кмети развернули лошадей и поехали дальше, оставив парня позади. И судя по всему, тот благоразумно не стал их преследовать.

Коротко обсудив незадачливого сына старосты, ратники замолчали надолго. А в другие дни по пути ничего достойного внимания не случалось. Надежа только изредка скупно указывал, куда нужно доехать к ночи, а если деревни на пути не случалось – где разбить лагерь. Иногда между кметями все-таки поднимались разговоры о детинце или о том, как лучше подобраться к становищу вельдов, когда его удастся обнаружить, но, сотню раз обмусоленные, быстро затихали.

Галаш больше не хорохорился, с Младой предпочитал не связываться, хоть иногда и поглядывал угрюмо. Но едва ли не так же мрачно выглядели сейчас все, поэтому она внимания на это не обращала. Главное, в их небольшом отряде теперь было тихо.

Дни шли по кругу: проехать хотя бы пять десятков верст за сутки, останавливаясь на короткие привалы, заночевать, просушить пропахшую насквозь дымом одежду – и снова в путь. Сильно не таились, но широкой дороги, соединяющей деревни Рысей, старались избегать. Невер, оказывается, хорошо знал другие тропы в лесу – поэтому ехали ими, время от времени огибая болотистые места. Следов вельдов видно не было. Даже у обширного лесного озера, где родич Ратибора, по его словам, видел супостатов, все выглядело так, будто здесь из конных уже давно никто не проезжал. Только бродили пешие охотники.

Озеро минули поскорее: от него веяло неприятной промозглостью. Тут и там виднелись хоженные тропы – не только человеческие, но и звериные.

К середине пятого дня пути, как и рассчитывал Надежа, отряд доехал до одной из деревень тривичей. Названия ее Млада не вспомнила, а у остальных спрашивать не стала. Задерживаться там не собирались: лошадей нужно было оставить в той, которая пострадала от последнего набега вельдов – она стояла дальше на юге. В ее окрестностях милостью богов и рассчитывали найти вражеский лагерь.

Сейчас же отряд просто проехал между полуземлянок и, видно, построенных позже бревенчатых изб напрямки, степенно и молчаливо. Тянуло легким дымком печей и навозом. Сгоревших или разрушенных домов тут не было, деревня выглядела ухоженной и чистой, не считая размытой дороги. Но жители все равно казались настороженными и даже напуганными. Они только глазели издали, не отходя от своих домов; некоторые спешили убраться с дороги, но все-таки узнавали в кметах княжеских воинов и останавливались. Другие собирались кучками и тихо переговаривались, поглядывая вслед.

Напряжение постепенно спало. Гурьба мальчишек, чумазых и крикливых, бегом проводила отряд до самого края селения и отвязалась. Из колодца на окраине деревни пополнили запасы воды и двинулись дальше.

К вечеру распогодилось. Небо расчистилось, ветер унялся. Закат полыхнул красными полосами между уходящих на запад облаков. А ночью подморозило. Все сгустилось у костра, протягивая к огню ноги в выставших за день сапогах. Но толку от такой просушки было мало.

Только завоняло сырой, подпаленной кожей. Спали беспокойно. Галаш тихо ругался себе под нос, но после того, как Надежа рявкнул на него: «Заткнись, ради всех богов!» – замолчал.

На следующий день добрались до нужной деревни – Яров Дор – крупного погоста племени тривичей. Он раскинулся у поймы реки, где-то в лесной глуши впадающей в Нейру. Вдаль и чуть вниз от ведущей туда дороги уходили щетинящиеся остатками срезанных колосьев нивы. На некоторых виднелись маленькие фигурки людей в светлых одеждах: вспахивали поле до первого снега. Другие уже были подготовлены, где-то засеяли озимую рожь.

Солнце, будто напоследок, разливало по черной влажной земле и пожелтевшим травам щедрое тепло, но студеной ветер не давал согреться. Первый раз этой осенью в воздухе чувствовался холодящий нутро дух приближающейся зимы.

Едва доехав до первых изб, решили спешиться. Прошли по чуть подсохшей узкой извилистой улочке. Дворы здесь плотно примыкали друг к другу, почти везде за домами виднелись большие овины и тесные баньки без окон. Заборов из досок, как на севере, тут не строили – только невысокие плетни из вербных или ивовых прутьев. А потому остриженный «под горшок» мальчишка, который сидел на нижней ступеньке крыльца приземистой, длинной избы старосты, заметил гостей еще издалека. Только что он с тоскливым видом перебирал в огромной корзине мелкие желтоватые груши, а увидев идущего впереди Надежу, бойко подскочил и ринулся в избу. Едва отряд успел дойти до калитки, как худощавый, загорелый староста Садко вышел из сеней. Мимоходом глянул в ясное небо, поправив пояс с висющим на нем широким охотничьим ножом. Его светлая рубаха, по вороту, рукавам и подолу расшитая темно-зеленой и красной нитью, была слегка запачкана землей, а сапоги из грубой кожи – еще не подсохшей грязью. Видно, только с поля вернулся.

За его спиной, толкаясь и шушукаясь, сгрудились трое сыновей.

– Здравы будьте, – громко поздоровался он и, обернувшись, шикнул на мальчишек.

– Поздорову, Садко, – кивнул Надежа.

– Зайдете?

– Нет, благодарствуем. Нам бы до гостиных изб дойти. Там и поговорим. Много о чем расспросить надо.

Староста пожал плечами и скрылся в доме. Затем вернулся, на ходу накидывая на плечи сермяжный плащ.

– Пойдем, покажу-расскажу, откуда пришли вельды. А жена моя с дочерьми вам пока еды справит.

По западной окраине деревни, за которой высился шумящий на ветру сосновый бор, бродили долго. Здесь еще веяло страхом и гарью. Многие завалы, что остались от сгоревших изб, уже разобрали. Теперь среди обломков виднелись разрушенные печи, остатки лавок, битая посуда. Где-то были открыты дверцы в подпол. Что-то погорельцам удалось спасти.

Млада, плотно сжимая губы, шла за Невером и только едва поворачивала голову, словно мышцы шеи разом окостенели. Янтарь, которого она вела в поводу, поначалу косился по сторонам, а потом потерял интерес к новому месту, только иногда фыркал от запаха золы. Вид пепелища почти ощутимо колол глаза, как песок. Ноздри забивало едким дымом, хоть обугленные бревна и шаять-то давно перестали. Млада несколько раз обернулась, вздрагивая, на крик, но то всего лишь громко переговаривались деревенские, которые неподалеку разбирали оставшиеся завалы.

Кое-какие избы сгорели не полностью: только крыша да перекрытия – но восстанавливать их и заселяться снова никто не хотел. Оставили зарастать бурьяном и догнивать под непогодой. Да и по всему стороной это место деревенские обходить будут долго.

– Коли один раз сгорели, так и второй загорятся, – пояснил староста. – Отметил их огонь. Теперь другое место для изб искать надобно.

– Много народа погибло? – осматриваясь, обратился к нему Надежа.

Садко вздохнул.

– Не так уж много. Девять человек. Но все же родичи наши, каждого я всю жизнь знаю. Мы-то отбиться пытались, конечно. Да вельды как будто и убивать-то никого не хотели. А вот пленников забрали. У Велеха дочка с женой пропали в суматохе, – староста помолчал. – Да и еще пятерых баб и девушек мы не досчитались. Думали сначала, убежали с испугу, но который день уж идет, погляди, седмица минула, а их нет как нет.

Млада остановилась у обрушившегося крыльца одной из изб. Сглотнула вставший в горле противный комок.

– Только девушки?

Садко коротко на нее глянул, будто только заметил.

– Да. Мужчин не трогали. А те, что погибли, как будто сами на рожон попали. Не сунулись бы – так и живы остались бы, может. Но кто ж станет по домам прятаться, когда тут такое! Жутко было, ох жутко. Никогда у нас в деревне такой беды не приключалось. Посчитай, с тех пор, как дед мой тут поселился.

– Что случилось, давай по порядку, Садко, – подогнал его Надежа.

Староста закивал, проследив взглядом, как Галаш беспокойно поправил налучье. Не по себе здесь было кметю. Хотя он и принадлежал к другому роду, а, судя по вышивке на рубахе и узорам на луке, тоже был из тривичей. Деревни в этих местах были понасыпаны гуще, чем на севере, а потому если вельды прошли здесь, то могли вскоре и до остальных добраться.

– Ночь была, и вдруг топот, крики, – тихо продолжил Садко. – Посчитай, как раз на западе. Я во двор кинулся, вижу – горят. Избы у леса. Думал, просто пожар, а тут еще несколько полыхнули разом. И всадники пронесли мимо моего двора, как грачи. Кони черные, сами черноволосые. И мечи гнутые, тоже как будто черенные чем – в темноте и не разглядишь. Я подпоясаясь кое-как, топор схватил, жене сказал не высовываться. Сюда прибежал. Светло от пожаров как днем было. Кого-то отправил избы тушить. Кто-то вельдов достать пытался, но они верткие, заразы. В седле как будто и родились. Пока неразбериху унимали, они и разбежались. А потом мы в деревне тех девятих зарубленных и нашли. Утром оказалось, что девок увели. Видно, пока мы тут дома тушить пытались да за теньями гонялись, как дурачье.

– Получается, просто отвлекали вас?

– Получается, что так, – развел руками Садко. – Пленники им были нужны, думается. Я отправил кой-кого из деревенских по следам вельдов. Охотники. Смышленные парни. Они прошли по дороге, которая на запад нами наезжена, и даже по лесу. Верст десять. А потом след потеряли. Вот был он – и нету. Парни еще почти сутки в лесу петляли. Вернулись ни с чем.

– Значит, где вельдов искать, вы не скажете... – Надежа потер ладонью лоб.

– Мы можем сказать, в какую сторону они ушли. Снова отправлять своих людей на поиски я не стал, – твердо произнес Садко, будто кто-то пытался его заставить. – Не хочу еще десятков потерять. А то и больше. Но чую я, где-то они близко.

Десятник хмыкнул.

– Такое слышать уже приходилось. Толку-то...

– Мы сделали все, что могли, – раздраженно оборвал его староста. – Дальше ваше дело – на то вы тут и разведчики. Не какие-нибудь – княжеские! А князь, небось, не просто так в Кириате своем хлеб из нашего зерна ест и вас им кормит. И дань каждую осень собирать не забывает. Вон, не так давно мытарь приезжал. Так вот каждый должен свое дело делать. Мы – рожь растить. А вы – нас защищать, раз уж так сложилось. Только выходит, что защиты от вас нет никакой. Как шастали вельды тут несколько лун назад по нашим землям, так и шастают. Как у себя дома. Пришли – забрали, что надо. Вот и до нас добрались. А вы все ходите, точно слепые котята тычетесь, лагерь вельдов найти не можете, как титьку мамкину!

Староста раздосадованно махнул рукой и отвернулся. Все молчали. Надежа, видно, едва удерживал рвущиеся с губ слова. Галаш поглядывал на него, по всему опасаясь, как бы не

случилось стычки. Невер стоял рядом, похлопывая ладонью по оголовью чекана, но упреки Садко с виду вовсе его и не трогали.

– Ты, староста, не голоси раньше времени, – спокойно произнесла Млада. – Вельдов мы найдем рано или поздно. И чем лучше вы нам поможете, тем скорее это случится. Не сквозь землю же они провалились.

– А пес их знает! – Садко качнул головой в сторону леса. – Может, и сквозь землю. Нечисто с ними что-то, я вам говорю. Моих-то парней точно лешак по лесу водил – ни единого следа больше не отыскивали, едва не заблудились. В своих родных соснах-то!

– Ты лучше бы по делу говорил, а не страшал зазря.

Староста упрямо дернул подбородком.

– Мне больше сказать нечего! Я уж столько говорил, чуть язык до костей не стер, когда людей успокаивал. Они ведь хотели, чтобы я самолично к Драгомиру ехал, требовал прекратить это. Или хотите сами с мужиками, у которых жены да дочери пропали, посудачить? Они вам объяснят, что к чему, и кулаками от себя добавят! Да хотя бы вон...

Млада шагнула к Садко, сощурившись, но за плечо ее схватил Надежа.

– Замолчите все! Развоевался ты, Садко, погляжу. А дело-то, о котором ты нам тут твердишь, никуда не движется.

Староста несколько мгновений мерил его взглядом и глубоко дышал, но потом опустил плечи, успокаиваясь.

– Сопляки вы еще, учить меня будете, – тихо и безразлично проговорил он. – Ладно, и то правда, коли будем здесь стоять, дело само не сделается. Идем.

В полном молчании дошли до гостиных изб. Они стояли чуть в стороне от деревни, за редким осиновым перелеском. Вокруг было тихо. К тому времени уже начало темнеть, и над верхушками деревьев выползла красноватая полоска тонкого, почти растворившегося в меркнущем небе месяца.

Женщины и правда успели накрыть в избе стол и развести огонь в печи. Кметей усадили на лавки у стены, староста и двое его старших сыновей сели напротив. Ели в тишине, только изредка поглядывая друг на друга. Братья, оба бородатые и похожие между собой, смотрели на дружинников с особой подозрительностью, будто каждое мгновение ждали, что кто-то посмеет обидеть их отца или род. Уже показалось, разговор так и не завяжется снова, когда Садко кашлянул, обернул усы полотенцем и с незлым прищуром обратился к Надеже:

– Значит, сегодня отдыхайте, а завтра, как чуть рассветет, Рагдай, – староста кивнул на сидящего с ним рядом сына, того, что покрупнее да посмурнее, – проводит вас до того места, где оборвались следы вельдов. Может, вы что увидите. Среди вас вон и следопыт есть.

Садко перевел проницательный взгляд на Невера, но тот только скупно усмехнулся – ничего не ответил. Надежа согласно склонил голову.

– Спасибо, Садко, за терпение. И людям своим передай, что мы постараемся в этот раз найти вельдов. Когда-то это должно случиться.

– Да уж постарайтесь, – снова ворчливым тоном отозвался староста. Но тут же примирительно улыбнулся. – Сегодня уже, вижу, наши недалеко от погоста ошиваются. Как бы к вам не полезли. Но вы на них внимания-то не обращайтесь, задираться не должны. Просто князьи люди у нас нечасто бывают. Интересы-то к ним много. И вопросов. Насущной, посчитай, важности. А уж сейчас – и того пуще. И еще... Если пленников наших вызволить сможете...

– Мы попробуем, – уклончиво прервал его десятник.

Староста понурился. Его сыновья переглянулись, скривившись.

Млада знала, что никаких пленников вызволять они не станут – не для того идут. Самим бы незамеченными остаться, если все-таки доведется встретиться с вельдами.

Староста, похоже, тоже это знал.

* * *

Утром всех разбудил громкий стук в дверь. На пороге стоял Рагдай. Не проронив ни слова, он дождался, пока все соберутся. Млада, скормив Янтарю сухую ржаную горбушку, потрепала его по морде и пошла за остальными. Так же, не размениваясь на пустые разговоры, сын старосты повел отряд по узкой тропе через подсохший за ночь ольховник, теряющий последние листья.

Выбрались на дорогу, обозначенную двумя глубокими, размытыми затяжным дождем колеями, и шли по ней долго, до полудня, увязая по щиколотки в грязи. То один, то другой сапог то и дело угрожающе чавкал, рискуя соскочить с ноги. Млада в очередной раз припомнила недоброе слово насмешки Хальвдана. Опять же, как в воду глядел.

Одно слово Рагдай все-таки сказал. После долгого пути по жесткой сухой траве через сменивший березняк сосновый лес он вдруг остановился, как в землю вбитый.

– Тут.

Идущий за ним Невер огляделся и пожал плечами.

– Значит, дальше сами разберемся.

Сын старосты окинул всех взглядом и тихо добавил:

– Отец-то вам не сказал. Мой дом тоже сгорел, и жену мою вельды увели... Коль их не найдете, на обратном пути деревню нашу вам лучше десятой стороной обходить. Не смотрите, что вас никто там пока не тронул.

– Не забывай, с кем говоришь, – предупреждающе буркнула Млада.

– Я помню. Но и другое никогда не забуду.

Рагдай развернулся и твердым шагом пошел прочь. Скоро его коренастая фигура затерялась среди сосен и зарослей жимолости. Кмети еще немного постояли в оцепенении, а потом зашевелились.

– Что скажешь? Здесь хоть что-то осталось? – повернулся Надежа к Неверу.

– Ничего, – вздохнул тот. – Тривичи все вытоптали, а что не вытоптали, смыло дождями.

Он еще раз обошел кругом, внимательно вглядываясь в траву, осматривая оголившиеся кусты.

– Так куда пойдем? – наблюдая за ним, Галаш переступил с ноги на ногу. – Не тащиться же вслепую. Так можно и в самый Холодный гребень упереться, а никого не сыскать.

– Судя по тому, в какую сторону мы шли по дороге и уже в лесу, двигать нужно туда, – Невер выпрямился и махнул рукой на юг. – Будем надеяться, что вельды не петляли по лесу, чтобы запутать преследователей, и в воздухе не растворились. Может, их следы обнаружатся потом. А может, и тропа какая.

Млада подивилась нынешней разговорчивости кметя. Как будто он все эти дни только и готовился, чтобы высказаться. Теперь, глядишь, до самого Кирията молчать будет.

Невер пошел впереди, за ним – Надежа. Галаш последним.

Среди леса то и дело расплзались небольшие полянки, сухие, солнечные, заросшие пожухлым клевером или сухим хрустящим папоротником. На одной из них остановились для короткого привала. Но потом снова пришлось углубляться в непросохший еще после дождя лес; лицо облепляла паутина вместе с размороженными от последнего осеннего тепла пауками. Один раз даже пришлось перебраться через чахлую, текущую на самом дне глубокого оврага безымянную речушку. А потом подниматься на крутой пригорок, цепляясь за случайные ветки поваленных тут и там рыхлых, прогнивших берез.

К вечеру спустились в сырую низину, а неподалеку мелькнула между стволов поначалу незаметная, но оказавшаяся вполне четкой и найденной тропа. И вряд ли ее тут пробили

тривичи. Уж больно в стороне от их деревни. Невер оглядел ее издали и улыбнулся. Надежда, проходя мимо, одобрительно похлопал его по плечу и снова возглавил отряд.

К тропе решили близко не подходить – просто держать ее в поле зрения. Скоро она совсем ушла вверх, а кмети продолжали двигаться в низине, которая становилась все более влажной. Иногда приходилось обходить затопленные места, отклоняясь в сторону, а потом возвращаться, выискивая глазами дорогу среди пестрой ряби засыпающего осеннего леса.

Темнело. К тому времени все убедились, что тропа не охотничья – сразу видно, что вытоптана копытами многих лошадей. И пора было бы подыскать место для ночлега, но углубиться в лес не успели – позади послышались тихие отрывистые голоса. Надежда поднял руку, останавливая идущих за ним, прислушался. Млада, которая различила отдаленный разговор гораздо раньше него, глянула в сторону тропы, но там, казалось бы, никого не было. Десятник приложил палец к губам и коротко махнул рукой вперед. Спрятались за огромным стволом старой березы, бугрящейся наростами-капами. Отсюда хорошо было видно дорожку наверху.

Голоса становились громче, а затем между стволов мелькнуло пламя факела, который нес воин, идущий во главе небольшого, из восьми человек, отряда. Они не скрывались и никуда не торопились, вели коней в поводу, как будто на прогулку вышли. Только трое последних были верхом.

О чем они говорят, расслышать было невозможно, но и по одному только виду незнакомцев можно было понять, что это вельды. Какими их описал Садко. Да запомнила Млада двенадцать лет назад. И теперь смотрела на них, не в силах отвести взгляда. Внутри, точно второе сердце, билась утихшая когда-то давно ярость. Млада не встречала ни одного вельда все эти годы, не знала тех, кто расправился с ее родителями и остальными родичами, и потому в каждом вельде видела убийцу, который однажды занес меч над головой матери или отца. Чувствуя, что скоро не сможет удержаться от того, чтобы кинуться на кого-нибудь из них, она отвернулась, привалилась спиной к поросшему мхом стволу.

Кмети совсем притихли, только можно было различить их дыхание да разглядеть в сгустившихся сумерках поблескивающие белки глаз. Парни не шевелились, но напряжение чувствовалось в каждом. Они что-то обдумывали или просто ждали, когда минует опасность.

Но тут Галаш осторожно вынул из чехла лук. Млада рванула его за рукав, прошипела так тихо, что ее голос едва можно было расслышать через шелест травы:

– Ты чего удумал, а?

– Перебить их надо, – уверенно ответил Галаш и скинул крышку тула, любовно провел ладонью по черно-белому оперению стрел.

– Надежда, ты тут старший у нас, – Млада повернулась к десятнику. – Может, скажешь что?

– Оставь глупости, Галаш, – продолжая внимательно, как зачарованный, разглядывать вельдов, проговорил Надежда. – Спокойно. Их немного, можно справиться. А старшего в плен взять. Нам язык нужен.

– Он и к лагерю нас проводит, – кивнул Невер.

– А если нас кого ранят? – попыталась Млада учсть все опасности.

– Э, девушка, да ты никак княжских людей совсем за бестолочей держишь, – фыркнул стрелец и тихо выругался.

– Галаш, – спокойно и отрывисто скомандовал Надежда. – Бегом в тот овраг и прореди-ка вельдов на пару голов.

Стрелец кивнул. Млада недоверчиво проследила, как он, умело прячась за деревьями, пружинистой рысцой проскользнул вперед. Скоро Галаш совсем затерялся в сумерках, обогнув вельдов – только и видно было, как мелькнула гибкая тень и скрылась в неглубоком овраге. Те теперь оказались позади него. Невер и Надежда двинулись следом. Младе ничего не оставалось делать, как идти за ними.

Светлой полосой промелькнула среди стволов быстрая стрела. Замыкающий отряд всадник дернулся и кувыркнулся с седла, хватаясь за древко. Вельды ускорили шаг. Среди них тоже был стрелец, он тут же встал на изготовку, поворачиваясь с натянутой у щеки тетивой вправо и влево. Вторая стрела Галаша вонзилась ему в шею. Но тем кметь окончательно себя выдал. Предводитель резко опустил факел на землю так, что тот не потух, искомандовал оставшимся, указав острием меча точно в ту сторону, где прятался Галаш. В низину спустились только трое. Одного кметь уложил следующим точным выстрелом. И тут же другого.

Млада на ходу достала из голенища сапога нож и метнула в ближайшего вельда. Попала ему в глаз. Мужик рухнул, покотился по склону.

Галаш отступал, теперь из оврага стрелять ему стало неудобно. Невер мощным ударом сшиб с ног другого вельда. Клюв чекана с громким хрустом пробил тому череп. Последнего перехватил Надежа. Сбоку полоснул его мечом. Вельд споткнулся, зашатался, но развернулся в атаке. Звякнули клинки. Десятник уклонился, шагнул, подныривая под руку противника, рассек ему другой бок и добил косым ударом по животу.

Все замерли, осмотрелись. Предводитель вельдов застыл с боевым топориком в руке, не решаясь кинуться в бой. Только поворачивался то к одному кметю, то к другому.

– Взять его! – бросил десятник.

Парни одновременно шагнули к вельду и, навалившись вдвоем, повязали споро и бесшумно.

– Вот и все, – пожал плечами Галаш и подмигнул Младе. – А ты переживала.

Она скривилась, подошла к убитому ею вельду и с трудом выдернула нож, засевший в его глазнице.

– Надо бы следы убрать, коней прогнать, – озираясь, проговорил Невер. – А то вдруг позже еще кто за этим отрядом пойдет. Тут же все как на ладони. Сразу видно, что не деревенские орудовали.

Сзади подошел Надежа.

– Трупы оттащим с дороги. Галаш, вынь свои стрелы.

На том и порешили. Галаш завожился над убитыми им вельдами. Млада, приглядывая за пленником, вместе с остальными поднялась на тропу. И еще издали, с юга, услышала топот. Подумала сначала, что показалось – последнее время ей много чего мерещилось. Даже крики на пепелище в Яровом Доре. Но Надежа с Невером тоже напряглись. Звук стал громче, а через мгновение – почти оглушительным.

На фоне еще не почерневшего до конца неба среди темных остовов сосен показались всадники. Кони убитых вельдов заволновались, дернулся тот, которого Млада уже успела взять под узду.

– Уходим, – скомандовал Надежа и пнул факел в лужу. Тот зашипел, изошел едким дымом и погас.

Но их заметили. Всадники пустили коней галопом, и через мгновение уже можно было различить даже в полумраке, что их больше двух дюжин.

Первая стрела только чиркнула Невера по плечу. Он выругался, рванул вбок, оступился и почти скатился с тропы. Несколько всадников спешили, лучник снова выстрелил кметю в спину, остальные пятеро ринулись на Младу с Надежей.

Пользуясь мимолетным замешательством, пленник рванулся из его рук и ринулся в заросли подлеска.

Млада скользким шагом ушла от удара изогнутым мечом. Выхватила свой, напала сбоку, рубанула вельда по шее и повернулась к другому. Рукоять в ладони дрогнула. Призрачный шепот на древнем, неизвестном языке пронесся над землей. Но никто, кроме Млады, его не слышал. Руны на клинке озарились мягким светом.

Она ударила наступающего вельда наискось, сбивая его только начатый замах. Противник замешкался, глянув на светящийся меч. Замахнулся снова, но напоролся животом на подставленное острие.

Два вельда упали, с поразительной скоростью убитые стрелами Галаша. Последнего Млада ударила из полуоборота по шее, почти снося голову. Теплая кровь брызнула на лицо.

Остальные всадники уже были близко. Слишком много.

– Уходим! – снова рявкнул Надежа.

От удара в бедро, казалось, содрогнулось все тело. Боль полыхнула до паха и колена. Млада хватанула ртом воздух и опустила взгляд. Стрела задела почти вскользь, оставив только глубокий порез. Но ногу все равно будто разодрало на части. Знать, широкий наконечник был.

Позади зарычал раненый десятник.

Млада, сжимая зубы, прижала ладонь к ране, чувствуя, как слипаются от крови пальцы. И бросилась навстречу уже бегущему к ней вельду. Качнулась в обманном движении и походя вспорола ему брюхо. Руны зашлись светом ярче. Хотелось снять перчатки. Невыносимо, до дрожи. Ощутить знакомое жжение на ладони. Но Млада отгоняла от себя назойливый шепот. И ярость, что застилала глаза горячей пеленой. Нельзя. Нужно быть спокойной. Иначе толку от боя будет не больше, чем от погони за мышью в темной комнате.

Она ринулась к наступающим вельдам. Убежать-то отряд теперь не убежит. А вот убить с десятков супостатов напоследок можно. Боль в ноге билась сильнее, вонзаясь в колено зазубренным шипом. Краем глаза Млада видела, как потративший все стрелы Галаш с широким топориком в руке тоже выскочил на тропу. Рубанула по спине вельда, с которым кметь не успел бы справиться, и повернулась к всаднику, уже заносящему меч.

Подсекла его под колено, походя разрезая путлице. Вельд взревел и, заливая бок лошади кровью, грянулся на землю. Млада обрушилась сверху, выпрямилась и всадила клинок ему в грудь. Отклонилась от другого удара и встала. Метнула снова вынутый из сапога нож. Стрелец с застрявшим в груди по рукоять клинком завалился на спину коню.

Лошади убитых вельдов разбегались в стороны, напуганные. Вбивали в грязь копытами мертвые тела. Храпели дико и яростно. Всадники проносились мимо. Звенела сталь. Мужики громко бранились. Колотилась боль в ноге.

Млада, держась за раненое бедро, упрямо огляделась в поисках следующей жертвы. Видела, как теснят Надежу, у которого в боку торчала стрела. Как внизу, по колено в жухлой траве, спотыкаясь об убитых вельдов, отбивается Невер, сноровисто орудуя чеканом. А к ней бежал другой противник, косматый, чернобородый. За ним еще один. Млада схватилась за скрамасакс, с готовностью отвела в сторону меч и шагнула к ним.

Не получится выжить – да и пес с ней, этой жизнью. Наверное, не самое плохое дело погибнуть здесь, среди настоящих княжеских воинов.

В плечо ее ударила вторая стрела, и пальцы сделались тряпочными. Дыхание застряло в груди, точно разрывая легкие, ломая ребра. Едва Млада потянулась к древку, чтобы обломить его, как затрещало в затылке, потемнело в глазах от удара по голове чем-то холодным. Небо погасло. Захлебнулись в низком гуле все звуки. Не в силах совладать с растекающейся по телу дурнотой, Млада шагнула наобум и, оступившись, кубарем покатилась под откос.

Последней вспышкой в голове был с новой силой грянувший грохот битвы и рев вельдов, которые настигли легкую добычу. Сознание Млада потеряла еще до того, как достигла дна низины.

Глава 5

Ленивый ветер чуть покачивал прозрачные занавеси и тяжелый балдахин над кроватью. Ослепительно-желтый закатный свет отбрасывал замысловатую тень от резного окна на округлое бедро девушки, которая лежала рядом, среди смятых вышитых простыней. Ее смуглая кожа казалась бронзовой. Коснись – обожжешься: настолько горяча. Густая и чуть растрепанная, цвета корицы, копна волос девушки светилась огненными завитками. А сверкающие только что утоленным желанием глаза, темные, словно маслины, смотрели с обожанием.

Хальвдан неспешно, по-хозяйски провел ладонью по ее разогретому солнцем плечу вверх, накрутил на палец пушистую прядь. Девушка тихо засмеялась:

– Ты не дашь мне поспать, Альекхам⁹, – перевернулась на спину и едва-едва, больше для того, чтобы подразнить, прикрылась тонким покрывалом.

Но она не хотела спать – Хальвдан знал. Каждым движением, словом, взглядом она нарочно поднимала в нем новую волну желания. И он поддавался раз за разом. Он не хотел сопротивляться даже для того, чтобы отдохнуть.

Ее закрытый паланкин стоял внизу, во дворе, спрятанный от посторонних глаз. Потому как, если узнает Вархан, где проводит время его дочь – ничего хорошего не жди.

Но когда они были вместе, то переживали об этом в последнюю очередь.

– Я заберу тебя с собой, – прошептал Хальвдан, медленно, но неотвратно стаскивая покрывало, сокрывшее от него изгибы безупречного тела девушки. – Поедешь?

⁹ Альекхам (арив.) – Снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.